

Цветок Фантоса

Наталья Фейгина

Наталия Фейгина

Цветок Фантоса.
Романс для княгини

«Accent Graphics communications»

2015

Фейгина Н.

Цветок Фантоса. Романс для княгини / Н. Фейгина — «Accent Graphics communications», 2015

Фантос (или точнее Фантас), отголоски имени которого звучат и в «фантазии», и в «фэнтези» – древнегреческий бог сна. И цветы его сада – фантазии яркие и причудливые, в которых, как и во снах, реальное смешано с небывалым. Вот и в этом цветке-фантазии действие происходит в России начала XIX века. Только в этой придуманной России есть Тайная Магическая Канцелярия, а уланы вооружены кроме пик и кремнёвых ружей амулетами универсальной защиты. Здесь мчится по ночному лесу призрачный Дикая Охотник, и ткут танцем ткань реальности магини-такуты. А в уездный город Версаново под маской юнца из столицы приезжает Мастер Иллюзий...

© Фейгина Н., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Часть I. Лепестки	5
Лепесток 1	5
Лепесток 2	10
Лепесток 3	15
Лепесток 4	17
Лепесток 5	20
Лепесток 6	23
Лепесток 7	25
Лепесток 8	27
Лепесток 9	29
Лепесток 10	32
Лепесток 11	34
Лепесток 12	37
Лепесток 13	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталия Фейгина

Цветок Фантоса. Романс для княгини

Часть I. Лепестки

*106. Если на клетке слона прочтёшь надпись «буйвол», не верь
глазам своим.*

Козьма Прутков

Лепесток 1

Ах, как неистово звенели бубны в тонких пальцах танцовщиц! Как вторили им монисты на смуглых шеях, в змеящихся по плечам чёрных косах! Как взлетали, взвихривались подола цветастых юбок, приоткрывая на мгновение стройные ножки плясуний!

Но Павел Алексеевич, сидевший за столиком у самой сцены, лучшим столиком, за который господам офицерам случалось и на дуэли драться, Павел Алексеевич был совершенно равнодушен и к ножкам, и к песням о жгучей страсти. На его полном аристократическом лице застыло выражение пресыщенной скуки. Но надо сказать, что Павел Алексеевич был не настолько спокоен, как хотел показать. Предмет его беспокойства и заботы сидел рядом, за тем же столиком, и с интересом наблюдал за происходящим на сцене. Однако интерес этот был не таким, какого можно было бы ожидать от молодого человека, едва расставшегося с порой ранней юности. Черты юношеского лица были столь тонки и нежны, что его можно было бы принять за переодетую девушку. На молодом человеке был простой сюртук, и Павел Алексеевич заметил, как перешёптывались молодые франты за соседним столиком, глядя на его гостя. Павел Алексеевич усмехнулся, подумав, что мало кто во всём Версаново, кроме него самого, может по-настоящему оценить тонкое сукно и изящный покрой. Синее сукно выгодно оттеняло золото длинных волос юноши, скреплённых на затылке сапфировой заколкой. Довольно было одного взгляда, чтобы понять, что этот шедевр ювелирного искусства должен стоить целое состояние. А если учесть, что он был не просто украшением, а сильнейшим генератором иллюзий, то цены этой заколке просто не было. Тут Павел Алексеевич усмехнулся мысленно, радуясь своему умению видеть лицо, скрываемое генератором. Странно было, что княгиня Улитина, слава о которой, докатилась до самых отдалённых уголков Империи, прислала в Версаново в качестве своего доверенного лица вихрастого веснушчатого мальчишку, ещё немного нескладного и неуклюжего, мало походившего на элегантного красавца, чью иллюзию он нацепил.

Павел Алексеевич поднял руку, подзывая полового¹. Тот подбежал, изогнувшись в поклоне:

– Что будет угодно, Павел Алексеевич? Красного раденского?

– Нет, голубчик. Раденское в другой раз, – сказал Павел Алексеевич, бросив короткий взгляд на свою едва пригубленную рюмку. – Принеси-ка ты лучше нам синего версановского. Ручаюсь, Виталион, такого вы ещё не пробовали, – добавил он, обращаясь к соседу по столику.

– Синего? – во взгляде юноши мелькнуло любопытство.

– Да, дорогой мой. Не слышали?

---

¹ Половой – трактирный слуга.

– Нет. – Виталион развернулся к Павлу Алексеевичу, не обращая внимания на страстные взоры, которые со сцены бросали на него красавицы.

– В здешних лесах растёт лазурика, ягода ароматная, чуть горьковатая. Много её не съешь, зато вино из неё получается удивительное. Сейчас попробуете, – и Павел Алексеевич улыбнулся той чуть покровительственной улыбкой, какой умудрённая опытом зрелость смотрит на едва оперившуюся юность.

– Непременно попробую, – безмятежно улыбнулся Виталион, но Павел Алексеевич разглядел за улыбающейся иллюзией нахмурившиеся брови. Ссориться с мальчишкой в планы Павла Алексеевича совсем не входило. Наоборот, следовало заручиться его доверием и дружеским расположением. Но прежде, чем Павел Алексеевич сумел загладить свою неловкость, зазвучали аплодисменты, которыми восторженные поклонники благодарили прелестниц. Виталион мельком взглянул на сцену, взглянул на чернобородого Радха, вышедшего на смену танцовщицам, и застыл, не сводя с него глаз.

*– Перебор гитарных струн²,
Голоса былого.
Снова я душою юн,
Песней очарован...*

Павел Алексеевич с удивлением заметил, что пальцы Виталиона – и тонкие ухоженные пальцы иллюзии, и мальчишеские с обкусанными ногтями – повторяют движения пальцев томалэ, а губы беззвучно повторяют слова.

*– Где ж гнедой, что мчал меня,
Обгоняя ветер?
Я б его не променял
Ни на что на свете.*

Любовь томалэ к коням давно вошла в поговорку, и в том, что Радху приходилось мчаться, обгоняя ветер, Павел Алексеевич не сомневался. Другое дело Виталион. Будь юнец хорошим всадником, разве отказал бы себе в удовольствии въехать в город верхом, гарцуя на горячем скакуне? Но он приехал в закрытой карете, и, глядя в окно на подъехавший экипаж с посланцем княгини, Павел Алексеевич, ожидавший увидеть дородного чиновника в летах, был приятно поражён видом выпрыгнувшего из кареты юноши.

*– Где же та, чей нежный взгляд
Мне сулил блаженство?
Позабыть я был бы рад
О коварстве женском.*

Официант принёс бутылку с нежно-голубым напитком и застыл у столика, не смея отвлекать заслушавшихся гостей. Павел Алексеевич едва заметно шевельнул пальцем, указывая на бокал соседа. Вино из лазурики было коварным, как та, о которой пел томалэ. Чуть терпкое, ароматное, пилось оно легко, развязывая языки и заплетая ноги. Именно то, что требовалось, чтобы разговорить мальчишку, пытавшегося, очевидно, многозначительным молчанием скрыть свою неопытность.

---

² Здесь и далее стихи автора.

*– Но, увы, гнедой мой стар,
Да и я не молод.
И в груди былой пожар
Заменял мне холод.*

Павел Алексеевич снова усмехнулся. Если у тридцатилетнего томалэ, перед чьим обаянием и напором не могли устоять ни простые горожанки, ни, если верить слухам, девицы из благородных семей, в груди поселился холод, страшно даже представить себе, что творилось, когда в ней пылал пожар. А уж на возраст... Ещё недавно Павел Алексеевич охотно предложил бы молодцу обменять своё «не стар» на его «не молод», но теперь всё изменилось. Если поручение будет выполнено удачно, и Виталион подпишет от имени княгини предложенный текст договора, то завидовать молодым больше не придётся.

*– Но, когда поёт струна,
Вместе с ней тоскую.
Не могу не вспоминать
Юность гулевию.*

Песня закончилась, и на сцену снова выбежали гибкие смуглянки.

– Ну-с, Виталион, извольте попробовать синенького, – предложил Павел Алексеевич.

– Отчего же не попробовать, – кивнул Виталион. Он сделал небольшой глоток с видом знатока и прикрыл глаза, смакуя. Павел Алексеевич позволил себе улыбнуться, пока мальчишка не видит. Что ж, для княгини поместьем больше, поместьем меньше, разница не большая, если прислала этого молокососа. Тем лучше, тем проще будет выполнить поручение.

Молокосос открыл глаза, сделал ещё глоток, и, задумчиво поворачивая в руке бокал, любуясь насыщенной голубизной вина, произнёс:

– Неплохое вино. Отчего же о нём не слышали в столице?

– Слышать-то, может, и слышали, – ответил Павел Алексеевич, – а пробовать навряд ли приходилось. Секрет лазуритовки знают только томалэ. Их девушки собирают ягоды, а мужчины делают вино. Делают для себя, и только здесь, в ресторане «У томалэ» можно угоститься этим удивительным напитком.

– Удивительный напиток, – согласился Виталион. – Мечта инуктора, – добавил он, сделав ещё глоток. – А что же вы его не пьёте, Павел Алексеевич? – спросил он после третьего глотка, заметив, бокал, наполненный до краёв красным вином.

– Это для вас, Виталион, синенькое в новинку, – ответил тот, мысленно досадуя на свою оплошность. – А мне, старику, больше рдеющее рденское по душе. Вот где терпкость, да букет, да крепость.

– Какой же вы старик, – улыбнулся юноша. – Вон господин Великий Инуктор куда старше будет, а за ним молодые с трудом поспевают. От упоминания Великого Инуктора по спине у Павла Алексеевича побежали мурашки, но ещё больше пугал тон, тон человека, который говорит о ком-то хорошо знакомом.

– А вы, Виталион, знакомы с Великим Инуктором? – спросил он, стараясь дрожью в голосе не выдать своего испуга. Блюстителей магического порядка побаивались все, но привлекать их внимание Павлу Алексеевичу не хотелось. А ведь достаточно пары неосторожных слов Виталиона...

– Издалека видел. Он иногда бывает у княгини, – ответил молодой человек после некоторой заминки.

– А я уж подумал, – сказал Павел Алексеевич, – что вы, Виталион, с ним близко знакомы. Иллюзорный юноша усмехнулся, а мальчишка под иллюзией покраснел до ушей.

– Вы меня переоцениваете, Павел Алексеевич, – ответил он, – хотя иногда лучше переоценить человека, чем недооценить.

Павел Алексеевич вымученно улыбнулся, чувствуя, что беседа свернула в опасное русло. Но, прежде чем он успел сменить тему, Виталион, ещё раз пригубив лазуритовку, поднялся.

– Прошу прощения, Павел Алексеевич, но я должен вас покинуть. Мне пора домой.

– Помилуйте, Виталион, – возопил тот, поскольку на этот вечер был запланирован ещё и визит к очаровательной мадам Каро, – время ещё совершенно детское.

– Дети не могут оценивать последствия своих поступков, – глубокомысленно ответил Виталион. – Потому им нужны наставники и опекуны, – на последнем слове он сделал ударение, словно напоминая Павлу Алексеевичу о его собственных опекунских обязанностях. – Взрослые же люди в состоянии сами сопоставлять свои действия и их последствия, и я, как человек взрослый, полагаю, что сейчас мне самое время ехать домой. Честь имею.

Он поклонился, и уверенной походкой направился к выходу.

– Всего доброго, Виталион, – крикнул ему вслед Павел Алексеевич, и под нос себе добавил, – взрослый ты наш.

Тирада Виталиона его и в самом деле позабавила, поскольку вся история человечества являет собой нескончаемую череду примеров того, что взрослые люди либо плохо представляют последствия своих действий, либо игнорируют их. Но философствовать было некогда, и он махнул рукой Розе, глазами указав на Виталиона. Сам Павел Алексеевич, оставаясь равнодушным к чарам красавицы, не раз с восхищением наблюдал, как она манипулирует и юнцами, и вошедшими в возраст мужами, не раз пользовался её умением. Вот и сейчас он, пряча в сидящих усах усмешку, предвкушал, как поздравит Виталиона с возвращением.

Тем временем девушка спустилась со сцены и через весь зал направилась за молодым человеком. Она почти уже догнала его, но из-за последнего столика, одного из тех, где сидели господа офицеры в дни перед выдачей жалования, когда состояние финансов не позволяло им располагаться ближе к сцене, поднялся молодой человек. В полутьме зрительного зала Павел Алексеевич не мог разглядеть его лица, но готов был поспорить, что это корнет Слепнёв. Афиноген Слепнёв, которому от родителей не досталось ничего, кроме звучного имени, был одним из завсегдатаев «У томалэ» и одним из самых преданных поклонников Розы. Он не упускал случая обратить на себя внимание красавицы, но, поскольку карманы корнета вечно были пусты, привлечь её подарками не получалось и приходилось прибегать к другим способам. Вот и сейчас он загородил собой проход, видимо, требуя поцелуй в качестве выкупа. Такие шутки здесь были нередки, но Павел Алексеевич нахмурился. Не хватало ещё, чтобы из-за притязаний Афиногена Виталион ускользнул от юной томалэ. Но ещё сильнее он нахмурился, увидев, что его гость вернулся, чтобы помочь красавице. Со стороны противостояние смотрелось забавно: протеже княгини рядом с рослым офицером выглядел, словно карликовый пудель рядом с овчаркой. Но прежде, чем Павел Алексеевич успел подняться из-за стола, чтобы вмешаться, стычка закончилась. Виталион снова двинулся к выходу, Роза пошла за ним, а корнета усадили на место соседи по столику.

У самых дверей Виталион с Розой остановились. Судя по всему, девушка уговаривала молодого человека остаться и даже взяла за руку, предлагая погадать. Гадания Розы никогда не сбывались, но какое это имело значение, если они давали возможность почувствовать на ладони нежные прикосновения тоненьких пальчиков. На этот раз уловка, должно быть, не сработала, потому что молодой человек сам перехватил руку девушки и принялся рассматривать запястье, что-то говоря при этом. Радх, входя в зал, буквально налетел на стоящую пару и остановился, заговорив с Виталионом весьма решительно.

Павел Алексеевич вышел из-за стола и двинулся выручать гостя. Тот был человеком новым и вполне мог попасть в неприятную историю, а виноватым оказался бы Павел Алексее-

вич, пригласивший его сюда. С другой стороны, было бы полезным заручиться благодарностью протеже княгини.

Однако прежде чем Павел Алексеевич успел пересечь зал, положение разрешилось: юноша снял с руки перстень и передал его томалэ, после чего покинул зал. Следом за и ним Радх увел Розу, оставив гостей обсуждать странную сцену.

Павел Алексеевич подумал, что сегодня же вечером по городу разнесутся слухи один невероятней другого. С одной стороны, это хорошо, потому что ими можно будет воспользоваться, чтобы надавить на посланца княгини. Но с другой стороны, было в этом что-то подозрительное. Ох, не прост этот мальчишка, ох, не прост.

Лепесток 2

Прошла уже без малого сотня лет с тех пор, как указом императора томалэ «прикрепили» к земле. Томалэ осели и зажили безбедно, сменив конокрадство на коневодство, но не остепенились. Их пёстрые, похожие на кибитки, домики, беспорядочно толпились на окраине Версаново, дразня чопорных версановцев яркими красками и звонкими голосами обитателей. В свою очередь томалэ не жаловали соседей, деля чужаков на две категории: «барашков» – тех, с кого можно и нужно «стричь шерсть», и «волков» – тех, кого следует опасаться.

Заметив богато одетого юношу, почти мальчика, сидевшего за столиком у самой сцены, Радх отнёс его к «барашкам». В Версаново редко появлялись новые лица, ещё реже появлялись они «У томалэ». И не надо было быть прорицателем, чтобы понять, что этот изящный незнакомец – тот самый представитель княгини Улитиной, приезда которого с любопытством ждал весь город. Но в том, что Радх спел только одну песню вместо обычных двух-трёх, виноват был вовсе не короткий обжигающий взгляд карих глаз незнакомца, а шестилетний Гир, пробиравшийся к сцене. Закончив петь, Радх перехватил мальчишку.

– Гир, что ты здесь делаешь? – строго спросил он.

– Меня послала бабушка Фатха, – гордо ответил мальчуган. – Она велела узнать у Розы, где Яшка.

– Яшка?

– Да, она ушла утром с Розой за лазурикой и до сих пор не вернулась. Радх нахмурился. Он видел Розу в городе ещё днём.

– Скажи тётушке, что я сам поговорю с Розой, – сказал Радх, выведя босоногого гонца из зала. – Если девочка не вернётся в ближайшее время, мы все пойдём искать её.

Он отпустил Гиру и вернулся в зал, чтобы найти Розу, и тут же наткнулся на неё. Девушка стояла у самого входа с тем самым столичным молодым человеком, которого он видел с Игнатьиным. Господин этот крепко держал девушку за запястье. Она бросила на Радха умоляющий взгляд.

– Послушайте, господин хороший, – вкрадчиво сказал томалэ. – У нас не принято так обращаться с девушками.

Юноша посмотрел на него, и Радх поразился холоду, сквозившему во взгляде. У него были голубые глаза! Почему же тогда со сцены он видел карие? Но вопрос о цвете глаз отошёл в сторону, когда незнакомец, не отпуская Розино запястье, произнёс:

– А магией крови баловаться у вас принято?

– Какой такой магией, мой яхонтовый? – проворковала Роза, но от Радха не укрылся злой взгляд, брошенный ею на незнакомца.

Не слушая её, Радх смотрел только на юношу. Нет, это был совсем не «барашек», а «волк», матёрый «волк» в овечьей шкуре.

– Это слишком серьёзное обвинение, господин хороший, – сказал томалэ после короткой паузы.

– Думаю, – сказал незнакомец, – нам стоит поговорить об этом в другом месте. Здесь слишком много глаз и ушей.

Радх кивнул.

Юноша отпустил Розу и, сняв с пальца золотой перстень с молочно-белым опалом, протянул его Радху.

– Если я ошибся, – сказал он, – перстень останется у вас в качестве компенсации. А если нет... Если нет, он ещё пригодится.

С этими словами приезжий повернулся и вышел.

Томалэ покрутил в руках перстень, раздумывая, что с ним делать. Сперва хотел надеть, но перстень оказался ему мал. Тонкие же пальцы у этого чужака!

– Радх, я ни в чём не виновата, – прошептала Роза, не отрывая глаз от опала.

– Тогда кольцо достанется тебе, – ответил Радх, сунув его в карман.

– Но мне сегодня ещё надо выступить!

– На сегодня ты отвыступалась, – мрачно произнёс Радх. – Или ты хочешь продолжить разговор в кабинете инуктора? Как ты думаешь, кому инуктор поверит – столичной шишке или танцовщице?

Больше он ничего не сказал и, немного выждав, вывел упирающуюся девушку из зала.

Незнакомец ждал их в вестибюле.

– Где мы можем поговорить?

Поколебавшись, Радх решил, что лучшего места для разговора, чем у тетушки Фатхи не найти. Только тётушка могла разобраться в том, что происходит, и защитить девушку от страшного обвинения.

Когда они вошли, Фатха подняла голову от лежавших перед ней карт. Взгляд её скользнул по Радху, задержался на мгновение на Розе, и, споткнувшись на незнакомце, снова метнулся к Радху.

– Зачем ты привёл чужака? – спросила она по-томальски, на миг опустив глаза к раскладу, черневшему пиково-трефовыми вестниками беды. – Не до чужих мне нынче.

– Он сказал, – так же по-томальски ответил Радх, – что Роза грешила магией крови.

Фатха протянула дрожащую руку к суковатой палке, прислонённой к скамье, и встала, выпрямившись, насколько ей позволяла больная спина. Тяжело опираясь на палку, прошла несколько шагов, отделявших ее от незваного гостя, и остановилась, глядя ему прямо в глаза. Томалэ, которым случалось встретиться взглядами с тётушкой, торопились отвести глаза, но юноша смотрел спокойно и твердо.

– С недобрыми вестями пришёл ты, изумрудный мой, – пробормотала, наконец, старуха по-русски.

– Посмотри, знающая, и скажи, что я ошибся, – ответил юноша, разворачивая руку девушки и показывая следы порезов. В их кажущейся хаотичности просматривался порядок.

– Я всего лишь старая томалэ, бриллиантовый, – ответила Фатха, – а не знающая.

Старуха повернулась к Розе.

– Покажи-ка, что там, красавица, – приказала Фатха, и та неохотно протянула руку.

– Ай-яй-яй, какие нехорошие царапины, – пробормотала старуха. – Скажи-ка, милая, – с кажущейся ласковостью спросила она, – где это ты так оцарапалась?

– В лесу, – равнодушно ответила девушка, – ветками.

– Первое – правда, – согласилась Фатха. – А вот второе – уже нет.

– Нет, правда, тётушка, правда, – Роза повернулась к Радху и, уткнувшись ему в грудь, разразилась громкими рыданиями.

Радх, не выносивший женских слёз, застыл, не зная, что предпринять, но старуха лишь презрительно фыркнула.

– Даже плакать как следует не умеешь, – сказала Фатха с усмешкой. – Не пытайся меня обдурить.

И, разом растеряв показную ласковость, стукнула палкой по полу, приказав на томальском:

– Говори.

– Мне нечего рассказывать, – дерзко ответила танцовщица по-русски.

– Печально, милая моя, печально, – вздохнул чужак. – Я столько слышал о магии крови, а видеть не видел. Я надеялся узнать о том, как это делается, из первых уст. Скажи, что это было? Ты участвовала в вызове из-за грани?

– Придётся тебе, яхонтовый, поискать другого рассказчика, – усмехнулась Роза. – Меня вызывали на бис, и не единожды. Но я никого не вызывала.

– Врёшь, моя милая. Первое – правда, второе – ложь, – повторила, стукнув палкой по полу Фатха. И добавила: – Ты ведь знаешь, что я чую ложь.

Радх кивнул, подтверждая то, о чём знали все томалэ от мала до велика.

– Прекрасно, – воскликнул чужак и, нисколько не смущаясь тем, что Роза горячо отрицала всё, продолжил задавать вопросы. Он расспрашивал о подробностях, и ему помогал стук старухиной палки, каждый раз изобличавшей ложь.

Радх смотрел на девушку и не чувствовал ничего, кроме отвращения. Как могла она в здравом уме согласиться на такое?

Похоже, эта мысль волновала не только его.

– Что же тебе пообещали за участие? – спросил чужак.

Роза молчала.

– Деньги? Цацки? – перечислял юноша, но ответом ему было лишь презрительное молчание.

– Вечная молодость? Неувядающая красота? – спросил он, и тут девушка вздрогнула.

– М-да, можно было сразу догадаться, – задумчиво произнёс гость, – что ты купишься на эту приманку.

– А что худого, если я до смерти останусь красивой? – с вызовом спросила танцовщица, поняв, что дальнейшее запирательство бессмысленно.

– А ты знаешь, когда умрёшь? – усмехнулся юноша, – А то обидно, знаешь ли, приложить столько усилий ради того, чтобы умереть молодой.

– Нет, – крикнула Роза, побледнев, – нет!

– Да, – вздохнула Фатха. – Да.

– Нееет, – и девушка завывала, вцепившись себе руками в волосы. Лицо её исказила гримаса, и Радх понял, что на этот раз её отчаянье искренне.

А юноша продолжал, как ни в чём не бывало:

– Весьма разумная предосторожность. Я бы тоже поторопился избавиться от свидетеля. И когда же с тобой собирались рассчитаться?

Девушка вздрогнула, как от удара, и дрожащими губами прошептала:

– После Яшки.

Два коротких слова, не сказавших чужаку ровным счётом ничего, превратили Фатху в разъярённую ведьму, да и Радх с трудом удержался от порыва придушить Розу. Пусть Потеряшка и не была его кровной сестрой, любил он её не меньше, а даже больше, чем родных сестёр. Скрюченные пальцы старухи вцепились в волосы, заставляя девушку поднять голову.

– Что ты сделала с моей девочкой, мерзавка?!

Отчаянье в глазах танцовщицы сменилось безумным блеском:

– Спит твоя Яшка на камне вызова. И никто уже ей не поможет, потому что наступает час Волка. И Дикий Охотник вот-вот придёт за ней! Старуха покачнулась, и упала бы, если б Радх не подхватил её. Роза, воспользовавшись этим, бросилась к окну, но юноша стремительным движением перехватил танцовщицу.

– Торопишься за расчётом? – спросил он насмешливо.

Девушка съёжилась, а чужак негромко сказал:

– На твоём месте я не спешил бы.

Потом он небрежно коснулся пальцами шеи девушки, и та без единого звука осела, опустилась на лавку. В следующее мгновение Роза спала, и сон её нельзя было назвать безмятежным.

– До утра хлопот с ней не будет, – сказал юноша, оборачиваясь к хозяйке, которую Радх бережно усадил на другую лавку. – А мы поедем за девочкой.

Радх не поверил своим ушам. Мы? «Волк», собирающийся рисковать жизнью ради томальской девчонки? Не выставляющий никаких условий, не просящий ни о чём? Но какую бы цену не назвал чужак, Радх был готов заплатить её, не торгуясь.

– Она сказала правду, – прошептала Фатха, бездумно глядя перед собой.

– Час Охоты уже близко.

– Мы успеем, – ответил чужак уверенно. – Дай мне только какую-нибудь её вещь.

– Возьми, – сказала Фатха, указывая на узкий кожаный браслет, лежавший на столике среди карт. – Он порвался сегодня утром. Юноша взял браслет, покрутил его в руках.

– Подойдёт, – сказал он. И добавил, неожиданно тепло улыбнувшись старухе:

– Не печалься, мудрая. Яшка вернётся к тебе до рассвета.

– Идём, – приказал гость Радху, и томалэ повиновался незнакомцу, всё ещё не веря в реальность происходящего. Чужаки, помогающие томалэ, встречались не чаще, чем сказочные лунные кобылицы. И всё же... Выходя, Радх слышал, как старуха забормотала по-томальски, призывая Хозяина дорог помочь путникам в ночи.

– Ты можешь звать меня Тали, – сказал юноша дружеским тоном, едва за ними закрылась дверь домика Фатхи. Он снова поразил Радха. О чести звать домашним именем столичного гостя никто из версановской «золотой молодёжи» и мечтать не мог. А тут... Эта милость могла оказаться не менее опасной, чем ночная прогулка.

Но Тали не позволил Радху углубиться в размышления.

– Где твой конь? – спросил он у томалэ.

– На выпасе, – ответил Радх. Он по праву гордился Ветром, который мог поспорить статью и резвостью даже с фрежскими скакунами. – Здесь неподалёку.

– Тогда идём, – приказал Тали.

Радх хотел спросить у спутника, где же его собственный конь, но было в этом юноше нечто, не располагающее к лишним вопросам.

По дороге Тали спросил:

– Радх, перстень, что я дал, у тебя?

– Да, – подтвердил томалэ, за всеми перипетиями забывший о залоге. Он потянулся к карману, но Тали остановил его.

– Наденешь девочке, когда заберёшь её, – объяснил он. – Охотник потеряет ваш след, по крайней мере, до утра.

– А потом?

– Потом... Потом я позабочусь о ней, если вернусь, – пообещал Тали. От того, каким беспечным тоном это было сказано, Радх не сразу сообразил, что означает это «если».

– А если нет? – спросил он.

– Если нет, тогда найдёшь Анну, мою сестру, и скажешь, что позаботиться о девочке – мой приказ. Пусть, кстати, позаботится и о Розе.

Несколько минут они шли молча.

– Да, вот ещё что, – прервал молчание Тали. – Как только заберёшь Яшку, уезжай, не оглядываясь. Иначе потеряешь сердце.

Радх мысленно усмехнулся, не приняв угрозу всерьёз. Но отвечать не стал, тем более, что они вышли, наконец, на луг.

– Хайее! – крикнул он.

– Хайее, дядя Радх, – донёсся из темноты мальчишеский басок.

– Отпусти Ветра, Линх, – велел Радх, узнав по голосу одного из своих племянников.
– Сейчас!

Огромный чёрный жеребец радостным ржанием приветствовал хозяина.

– Хорош, – отметил Тали, глядя как Радх потчует любимца кусочком сахара.

– А ты? – спросил Радх, уже прикидывая, как Ветер понесёт двух всадников.

– Подожди, – усмехнулся юноша. – Только распрощаемся с пастушком. И верно, едва мальчишеская фигурка растаяла в ночи, как Тали свистнул. Свистнул негромко, как-то даже несерьёзно. Но в ответ раздалось такое же негромкое ржание, и к ним подбежала взявшаяся непонятно откуда невзрачная серая кобылка. Радх мог поклясться, что в томальском табуне таких лошадей быть не может.

– Луночка моя, – в голосе Тали прозвучала такая нежность, какой томалэ никак не ожидал услышать от столичного красавца. А ещё он никак не ожидал, что Ветер запляшет, затанцует перед кобылкой, словно перед лучшей из кобыл своего табуна. Юноша тем временем провёл рукой по серой, почти седой гриве своей лошадки, по её серой морде, и Радх невольно залюбовался его тонкими изящными пальцами.

Но за этим изяществом не было ни слабости, ни хрупкости. Одним неуловимым движением Тали взлетел в седло, приказав Радху:

– Догоняй.

И догнать оказалось непросто.

Лепесток 3

Яшка, проснувшись, открыла глаза, и тут же снова закрыла. Мгновение спустя осторожно открыла снова, но звёзды над головой не исчезли. Девочка, взглядевшись, узнала и оскаленную пасть Волка, и острые рога Оленя, и Великого Змея, тянущегося через всё небо за пузатой Луной. Лунный свет заливал полянку, поросшую льнущими к земле кустиками лазурики.

Яшке не раз случалось любоваться ночным небом, но одно дело смотреть на звёзды, сидя со всеми у костра, и совсем другое – когда спину холодит камень, а вокруг ни души.

Ой, как бабушка Фатха будет недовольна! Яшка живо представила дорожки морщинок, сбегаящиеся к уголкам бабушкиных глаз, и ты-меня-разочаровательное выражение самих глаз. Фатха никогда не бранила и не повышала голоса, но все томалэ от мала до велика готовы были на всё, лишь бы не заслужить такой взгляд. И Яшке, даром что бабушкина любимица, не избежать укоризненных взглядов. Ведь сказано же было, что они с Розой должны вернуться из лесу к обеду.

И как объяснить бабушке, что прилегла всего на минуточку? Кто поверит, что она весь день проспала в лесу? И почему Роза не разбудила её?

Спрыгнув с камня, на котором лежала, девочка огляделась по сторонам. Ни Розы, ни корзины с ягодами. Только тёмные силуэты деревьев вращались в ночную мглу вокруг поляны, и белел, поблёскивая прожилками в лунном свете, большой камень-столешница с гладкой полированной поверхностью. Темнота не пугала Яшку, но от одного вида странного камня становилось неуютно, а при мысли о том, что она спала на нём, по спине пробежали мурашки, но не серьёзные лесные жители, торопящиеся по своим непонятным делам, а противные свидетели страха. Ноги сами понесли девочку прочь от лазуричной полянки вниз по склону, усыпанному прошлогодней хвоей.

Никогда раньше Яшка не ходила вверх по склону. Говорили, что там, наверху, нехорошее место. Чем оно нехорошее, девочка не знала, потому и не смогла отказаться, когда утром Роза со смехом сказала: «Ну, что ты, как маленькая. До сих пор веришь в бабушкины сказки?» Выглядеть маленькой в глазах старшей подруги, неожиданной выделившей её среди сверстниц и взявшей с собой в лес, Яшке не хотелось. Да и не верила она в бабушкины сказки, не верила... Но сейчас, пока она пробиралась в темноте через лес, в памяти начали всплывать страшные истории про призрачного охотника, рыщущего по лесам со сворой призрачных гончих в поисках добычи. И не на призрачных оленей и кабанов охотился он, а на живых людей. На мёртвых лицах несчастных, ставших его добычей, застывало выражение непередаваемого ужаса, а их души навеки попадали в призрачную свиту Охотника.

– Это всё сказки для маленьких, – пробормотала девочка, пытаясь успокоить просыпающееся беспокойство. – Дикой Охоты не существует. Словно в ответ на её слова где-то далеко наверху, там, откуда она бежала, прозвучал охотничий рожок и раздался собачий лай. И было в этом лае нечто, заставившее Яшку поверить в существование Дикой Охоты и броситься бежать со всех ног. Хвоя скользила под ногами, ускоряя её спуск, деревья услужливо подставляли под ноги ступеньки корней, словно лес пытался помочь девочке.

Девочка не зря считалась лучшей сборщицей лазурики и подружки наперебой звали её в лес, зная, что она всегда найдёт и «богатую» ягодную полянку, и дорогу домой. Как это получалось, Яшка и сама не могла объяснить, но она всегда чувствовала, в какую сторону идти. Вот и сейчас, несмотря на то, что темнота преобразила лес до неузнаваемости, девочка чувствовала кратчайший путь: спуститься к заболоченному озерцу, потом по тропинке вдоль озера выйти в березняк, а оттуда уже рукой подать до просёлочной дороги. О том, что до города больше часа, даже если бежать бегом, Яшка старалась не думать. Да и какие тут мысли, если в ушах звучит рожок и жуткий лай псов Дикой охоты, почуявших добычу, рвущихся с поводков

в предвкушении азарта погони? Тут важно только одно – не упасть. Страх придавал ей силы. Девочка бежала, задыхаясь, ничего не видя перед собой, не замечая, что кусты и деревья словно расступаются перед ней, отводя ветки, которые могли бы зацепиться за юбку или хлестнуть по лицу. Бежать вдоль озера было и легче, и сложнее. Легче, потому что тропинка была ясно видна в ярком свете полной луны, и корней здесь было куда меньше, но зато дорожка, пропитанная водой после вчерашнего дождя, была более скользкой. Ветки кустов, росших вдоль тропинки, были слишком тонкими, чтобы удержать девочку, и пару раз даже подставленная ветка не помогла ей удержаться на ногах. Но, упав, Яшка тут же поднималась, и, не обращая внимания на испачканную юбку и ссадины на коленях, мчалась дальше.

Яшке казалось, что она бежит так уже целую вечность, что силы на исходе, когда тропинка вывела её к просёлочной дороге. Лай сдерживаемых собак прозвучал совсем рядом, и, обернувшись, девочка увидела белёсый туман, затягивающий тропинку у неё за спиной. В безветренной ночи клочья тумана то расплывались, то сгущались, становясь похожими на разверзнутые пасти. Яшка вскрикнула, и чуть было снова не упала, чудом зацепившись за подвернувшуюся ветку. Но с дороги донёсся стук дробный копыт. Девочка из последних сил выскочила на дорогу и увидела двух приближавшихся всадников.

– Держись, Потеряшка, – крикнул первый, и она узнала голос брата. Радх на скаку подхватил сестру, и, развернув коня, помчался к городу, а его спутник проскакал мимо них, торопясь туда, где на дороге неторопливо выползал туман.

– Вайд ар, роалив! [“Поймай меня, если сможешь!” Перевод с тарского³] – донесся до Яшки звонкий голос.

– Ат вайде ра! [“Я поймаю тебя!” Перевод с тарского] – прозвучал в ответ голос, от звука которого Яшка уткнулась лицом в плечо своего спасителя, боясь пошевелиться.

– Вот, надень.

Брат протянул ей что-то. Но перепуганная девочка ещё крепче вцепилась в Радха.

– Он велел надеть, сказал, что ты станешь невидимой для Охотника. Дрожащими руками Яшка надела перстень и почувствовала холодное прикосновение металла. И от этого прикосновения замерли, замёрзли все страхи, и всё случившееся стало казаться сном, страшным сном, о котором с лёгкостью забываешь поутру.

---

³ Тарский язык – «мертвый» язык, используемый для ритуалов и общения с обитателями Предгранья.

Лепесток 4

Двухэтажный деревянный дом, принадлежавший княгине Улитиной, стоял на тихой улочке, молчаливо возвышаясь над одноэтажными соседями. Это угрюмое молчание нарушалось раз или два в год, когда из столицы приходил вестник. И тогда дом оживал, наполняясь голосами служанок, хлопал распахивавшимися оконными рамами, шуршал чехлами, снимаемыми с мебели.

Потом улицу оглашало ржание лошадей, стук колёс по деревянной мостовой, перебранки кучеров и лакеев, а соседи начинали изобретать предлоги, чтобы заглянуть в гости и раньше других встретиться с приезжими.

Но штабс-ротмистру Петру Кваснёву, взбегавшему по ступеням резного крыльца, не нужен был предлог, чтобы постучаться в двери этого дома. У него было к приезжему дело, и не просто дело, а дело чести. Ему не раз случалось принимать на себя обязанности секунданта, но ни разу ещё не сталкивался он с оскорблением, столь хладнокровно нанесённым на ровном месте незнакомому человеку. В горячке и по пьяни – случалось, недоброжелателям и неприятелям – многократно, а вот такого... Штабс-ротмистр вспомнил презрительно-брезгливое выражение лица мальчишки в штатском, потребовавшего от Афиногена отпустить поймавшую плясунью. Фин аж присвистнул, глядя на шуплого и наглого противника.

– У вас, сударь, ещё молоко на губах не обсохло, но я готов вам преподать урок вежливости, – насмешливо заметил корнет.

– Вы пьяны, господин грубиян, – холодно ответил нежданный заступник Розы, – и пятнаете честь мундира так же, как уже испачкали сам мундир. И юноша указал на свежее пятно солидных размеров, украсившее обшлаг рукава корнета.

Лицо корнета, румяное прежде от выпитого вина, побагровело.

– Кто будет вашим секундантом? – прорычал он обидчику.

Тот усмехнулся.

– Я не принимаю пьяных вызовов. Вот если завтра не передумаете, присылайте своего секунданта в дом княгини Улитиной.

С этими словами незнакомец развернулся и пошёл к выходу, уводя за собой «спасённую» томалэ. Они остановились у дверей, но, судя по выражению лица девушки, разговор их был мало похож на воркование влюблённых голубков. Да и подошедший Радх после короткой беседы с юношей помрачнел не на шутку.

Станный молодой человек. И всё же не были ли слова «о пьяном вызове» попыткой избежать дуэли? А если так, то интересно, каким будет лицо наглеца, когда тот поймёт, что отвертеться не удастся?

Потому что не будь он Петром Кваснёвым, он не позволит наглецу увильнуть от поединка!

Но первым принимать бой пришлось самому Петру. Дверь ему открыла дюжая баба, больше похожая на гвардейца в юбке, чем на служанку приличного дома. Штабс-ротмистр был высок ростом и привык смотреть на окружающих сверху вниз, но служанка, стоящая на пороге, возвышалась над ним на добрых полголовы. При этом смотрела она на вошедшего с любезностью полковника Лискина, посреди игры оторванного от карточного стола.

– Барин не принимает, – сказала она грубым голосом, вполне соответствующим её телосложению.

Однако напугать штабс-ротмистра было не так просто.

– Доложи своему хозяину, что его желает видеть штабс-ротмистр Кваснёв.

– А по какому делу? – спросила служанка.

– Свои дела я буду обсуждать с твоим хозяином, – ответил Кваснёв, взбешённый наглостью служанки, посмеившей таким тоном разговаривать с дворянином.

По лицу бабы было видно, что она совершенно не хочет докладывать хозяину. Но прежде, чем это было озвучено, откуда-то сверху донёсся нежный девичий голос.

– К нам кто-то пришёл, Матрёна?

Пётр поднял голову и замер, глядя на белокурого ангела, по недоразумению облачённого в скромное утреннее платье. Очарование момента было нарушено визгливым голосом:

– Анна, благовоспитанные девицы не выскакивают на лестницу! Ваше любопытство неприлично!

Голос этот принадлежал сухопарой особе, безуспешно пытавшейся одновременно двигаться с достоинством светской дамы и поспевать за девушкой. Неказистость компаньонки, а никем другим кроме компаньонки дама в чёрном наглухо закрытом платье быть не могла, ещё сильнее оттеняла красоту Анны.

– Тогда я буду неприличной, – весело ответила девушка, сбегая вниз. – Так кто там пришёл?

С появлением хозяйки Матрёна расслабилась.

– Этот господин желает видеть хозяина, Анна Андреевна, – с видимым облегчением ответила она.

– Штабс-ротмистр Кваснёв к вашим услугам, сударыня! – молодой человек склонился, запечатлевая поцелуй на тонкой девичьей руке. Вблизи девушка показалась ему больше похожей на сбежавшую из классной комнаты гимназистку, чем на спустившегося с небес ангела.

– Анна Задольская к вашим, – Анна улыбнулась гостю с такой обезоруживающей искренностью, что Пётр на мгновение забыл, зачем он пришёл в этот дом. – Что привело вас в наш дом? Только не говорите, что любопытство!

– Увы, сударыня, всего лишь скучные мужские дела. Я должен видеть господина Задольского.

Девушка надула губки.

– Ну почему, как только дела, так сразу мужские, – обиженно сказала она. – Так вам непременно нужен мой брат?

– Увы, сударыня, только он и никто другой.

– К сожалению, Виталион ещё спит. Он вчера вернулся поздно, и до полночи работал. И если это не очень срочно...

– К сожалению, – в тон ей ответил штабс-ротмистр, – вопрос не терпит отлагательства.

Своими соображениями о том, чем господин Задольский занимался допоздна, поделиться с невинной девушкой Пётр не мог, но и шадить заспавшегося зазнайку не собирался.

– Тогда придётся разбудить его, – задумчиво произнесла хозяйка. – Матрена! Скажи Адрейке разбудить Виталиона! Надеюсь, вы, господин штаб-ротмистр, позволите мне скрасить время вашего ожидания?

Пётр с удовольствием позволил девушке увлечь себя в гостиную и вовлечь себя в разговор. В конце концов, девушка нисколько не виновата в поведении своего брата.

Штабс-ротмистру казалось, что никогда ещё не был он в таком ударе, не шутил так непринуждённо, рассказывая о местных достопримечательностях и известных горожанах, никогда не был так красноречив, и никогда не было у него слушательницы, столь внимательной и заинтересованной, живой и непосредственной. Клара, сидевшая в уголке, только недовольно поджимала губы, выражая недовольство всем своим видом, но не решаясь сделать замечание, когда её подопечная вела себя слишком неподобающе. Смех Анны, звонкий и неприлично громкий, то и дело разносился по дому, но вдруг неожиданно оборвался. Лицо компаньонки, и без того длинное, вытянулось и закаменело.

Пётр обернулся и увидел стоящего в дверях Задольского.

– Аннет, – холодно произнёс вошедший, – будь добра подняться к себе.

– Но, Тали, – капризно протянула девушка, однако, наткнувшись на холодный взгляд брата, поднялась и улыбнулась гостю. – Приятно было познакомиться, – почти пропела она.

– Счастлив был познакомиться, – с чувством произнёс штабс-ротмистр. Девушка ещё раз улыбнулась и удалилась из комнаты походкой разгневанной королевы. За ней покинула комнату и компаньонка.

– Итак, сударь, чем обязан вашему визиту? – спросил хозяин, убедившись, что Клара плотно закрыла за собой дверь.

– Вы, сударь, вчера публично оскорбили корнета Слепнёва. Он требует от вас удовлетворения.

К разочарованию Кваснёва, вызываемый нисколько не испугался и не растерялся.

– Ну что ж, – сказал Задольский, пожав плечами с таким невозмутимым видом, словно ему каждый день приходилось принимать вызовы на дуэль. – Я охотно удовлетворю корнета, – тут он задумался, словно что-то подсчитывая. – Однако, принимая во внимание, что я приехал сюда по делам и мне требуется некоторое время для их завершения, предлагаю корнету встретиться через пять дней.

– Пять дней? – штабс-капитан недоверчиво посмотрел на юношу.

– Пять дней, – подтвердил тот. – О месте и точном времени с вами договорится мой секундант, которого я обязуюсь найти не позднее чем через два дня.

Лепесток 5

Арсений Вотнов, худенький темноволосый мальчик, хмуро смотрел на мир сквозь замызанное оконное стекло. Там, за окном, во всю светило солнце и его лучи, заглядывавшие на чердак, освещали большой деревянный сундук, окованный железными полосами, когда-то с любовью разрисованный травами и цветами, выцветшими за долгие годы, дубовый резной поставец⁴, на дверцах которого можно было разглядеть Жар-птицу и Бову-королевича из нянькиных сказок, львинолапое дубовое же кресло, затянутое вместо обивки паучьими гобеленами, – одним словом, весь хлам, выставленный сюда за ненадобностью. Маменька в дождливую погоду любила подняться на чердак, как она выражалась «на охоту». Спускалась она уставшая, с пыльными следами на руках и лице, но неизменно довольная. Следом за ней такая же перемазанная Марфуша несла трофеи – то старинную шаль, потраченную молью, то резной ломберный столик, то ломаный веер.

– Золушка ты моя, – смеялся папенька, поправляя русые прядки, выбившиеся из матушкиной причёски.

А вечером, сидя у камина, маменька рассказывала удивительные истории из жизни владельцев найденных вещей. Истории эти, то забавные, то грустные, звучали так правдиво, словно она видела всё происходившее собственными глазами.

– Мудрая женщина твоя матушка, Елена Степановна, – говаривал Арсению столяр Михеич, полируя исцарапанный столик или перебирая костяные пластинки веера. – Ты думаешь, она просто забавляется? Она спасает вещи, вторую жизнь им даёт.

Мог ли Арсений подумать, следя за ловкими руками Михеича, что он, наследник и любимец отца, баловень матери, окажется позабытым и ненужным, как чердачный хлам? Только вот спасти его будет некому... Но, как говаривал папенька, Вотновы не ждут милостей от судьбы, а находят своё «но» на любое неприятное «вот». В конце концов, ему, Арсению Вотнову, уже целых десять лет. Он не малыш какой-нибудь, и вполне может позаботиться о себе. Решено, он сбежит и станет разбойником! Нет, лучше предводителем шайки, как благородный Робин! Оседлав колченогий стул, для надёжности прислонённый к стене, вооружившись тяжёлой тростью со стёршейся позолотой, Арсений представил себя сидящим на лесной поляне у костра в окружении до зубов вооружённых разбойников. Чучело фазана, растерявшее большую часть перьев ещё во времена папенькиного детства, пришлось как раз кстати. У воображаемого костра перед ним стоял, понурив голову и растеряв лоск, Павлин, Павел Игнатын, волею городского главы ставший опекуном осиротевшего в одночасье Арсения. Прозвище Павлину дано было папенькой, Григорием Александровичем. Арсений однажды нечаянно подслушал разговор родителей, собиравшихся в гости.

– Опять Павлин перед тобой будет хвост распускать, – смеясь говорил папенька, глядя на маменьку в бальном платье, спускавшуюся по лестнице.

– А что, кроме Павла Игнатына мой наряд оценить некому? – Кокетливо спросила она. – А как насчёт господина Вотнова?

– Господина Вотнова вы, сударыня, покорили уже давным-давно, – всё так же весело отвечал папенька, подавая ей руку. – И для него вы прекрасна в любом наряде.

– Лстец, – с притворным укором воскликнула маменька и нежно поцеловала мужа в щёку.

Что было дальше, Арсений не слышал, потому что гувернёр, месье Филипп, увёл в детскую. Вотнов-младший был не в обиде на месье, да и вообще редко на него обижался. Всегда элегантный и подтянутый, Филипп умел быть и строгим, и весёлым, а уж знал он, казалось,

---

⁴ Поставец (устаревшее) – род невысокого шкафа для посуды.

обо всём на свете. Он ни за что не позволил бы своему воспитаннику бездельничать, но увы... Павлин уволил месье Филиппа, заменив его вечно пьяным Яковом, отставным поручиком, все уроки которого сводились лишь к муштре и колотушкам.

Арсений ненавидел опекуна за это, и за то, что тот запер мальчика в загородной усадьбе, за то, что забрал в город всех слуг, оставив только сторожа и кухарку, но больше всего за то, что именно к нему в гости уехали родители тогда, когда... Вспоминать об этом не хотелось, и мальчик вновь вернулся к Павлину, стоящему перед ним на поляне.

– Дорогой Арсений, я сожалею, – пробормотал испуганный опекун, не смея поднять глаза на грозного атамана, но договорить, о чём именно он сожалеет, придуманный Павлин не успел. Мальчика отвлекли шум и крики. Арсений выглянул в окно и увидел сторожа Петрушку, суетившегося около ворот. С трудом отворив ворота, он впустил во двор бричку, принадлежавшую раньше Григорию Вотнову, отцу Арсения. В бричке – кто бы сомневался – сидел Павлин собственной персоной. Но явился он не один. Следом за бричкой во двор въехала карета, запряжённая четвёркой лошадей. Такого выезда – Арсений кое-что понимал в экипажах – не было ни у кого в Версаново. Даже экипаж городского головы, заслуженно считавшийся лучшим в городе, не шёл ни в какое сравнение с этим.

Дверца экипажа распахнулась и из неё на пыльный, поросший редкой травой двор спустился невысокий изящный блондин в тёмно-синем казакине, за ним выпорхнула юная девица в голубом платье с серебряной отделкой. Последней карету покинула высокая сухопарая дама в сером.

Наблюдать за приезжими с чердака было забавно, почти как за Петрушкой в ярмарочном балагане, но любопытство гнало мальчика вниз. Ему хотелось поближе посмотреть на приехавший экипаж, поговорить с кучером и узнать про рессоры, и про фонари... Короче узнать всё, что гордящийся каретой кучер может рассказать мальчику. Арсений полагал, что Павлин будет принимать гостей в сиреневой зале, так что можно будет проскользнуть мимо них, выйдя через чёрное крыльцо.

Мальчик, крадучись, спустился с чердака, не опасаясь, что его могут заметить слуги, изображающие лихорадочную деятельность. Яков с утра уже успел и опохмелиться, и набраться снова, так что ни гром и молния небесные, ни те, что обрушил бы на учителя Павлин, обнаружив такое безобразие, не смогли бы прервать его сладкий сон.

Но, вопреки ожиданиям Арсения, гости не прошли в дом, а задержались во дворе, так что, тихонько отворив дверь, мальчик увидел прямо перед собой гостя. Мысль о том, что месье Филипп привёл бы ему в пример одежду и манеры этого молодого человека, мелькнула у Арсения и скрылась прежде, чем мальчик успел осторожно прикрыть дверь. Но та предательски скрипнула, и гость, потянув со своей стороны за ручку, распахнул её. Не ожидавший такого манёвра Арсений вылетел на крыльцо и врезался в юношу, с трудом удержавшегося на ногах.

– Так, так, так, – удивлённо пробормотал гость. – А тут, оказывается, разбойник в засаде сидел?

Мальчик покраснел и оттого, что поставил себя в глупейшее положение, и оттого, что на фоне элегантного костюма приезжего его собственный, тесноватый в плечах, со ставшими короткими рукавами, с прорехами, кое-как заштопанными Глашей, да ещё и перемазанный в пыли и паутине, выглядел убого.

– Разбойник, как есть разбойник, – со смехом подтвердила подросшая девушка. Но смех её звучал не обидно, а ласково. Дескать, и вправду, дружок, чумаз ты, ну да ничего, какие твои годы. Мальчик, осмелев, испуганно поднял опущенную было голову, и тут же опустил, увидев подходящего Павлина. Но и беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что девушка не только хороша собой необычайно, но есть в ней то самое, живое, искрящееся во взгляде, прячущееся в ямочках на щеках, плещущееся в улыбке, то, что превращает послед-

нюю дурнушку в неотразимую красавицу, то, без чего идеально красивое лицо кажется безжизненной маской.

– На вашем месте, молодой человек, – голос подросшего опекуна звучал ровно, но мальчик достаточно хорошо знал, что за этим спокойствием прячется грозная туча, и что грома с молниями и прилегающей взбучкой избежать не удастся, – я бы постеснялся выходить к гостям в таком виде.

– Виталион, Аннет, – обратился он к приехавшим, – позвольте представить вам моего подопечного Арсения Вотнова. Как вы сами можете видеть, он не страдает избытком благонамерия и хороших манер. Мальчик опустил голову ещё ниже и покраснел ещё гуще. К выговорам Павлина он уже привык и не принимал их близко к сердцу, но так унижить его перед этими понравившимися ему гостями... Стынув зубы, Арсений снова представил себе опекуна, тщетно умоляющего о прощении знаменитого атамана разбойников.

– Господин Задольский приехал сюда, чтобы осмотреть усадьбу, которую он выкупает по поручению княгини Улитиной, – с холодной улыбкой продолжал Павлин.

Паника охватила мальчика, когда он представил, что опекун выставит его на улицу, разлучив с домом, в котором он вырос, с которым связаны все лучшие воспоминания.

– Нет, – закричал Арсений, становясь похожим на загнанного в угол волчонка. – Нет! Он не может купить её! Это мой дом! Я не согласен продавать его!

– Увы, мой дорогой друг, – ехидно заметил опекун, и мальчик почувствовал, что тот наслаждается его отчаянием, – ваше согласие не требуется. Достаточно моего, а я его определённо дам.

– Пойдёмте, Павел Алексеевич, – предложил Виталион, беря под локоть опекуна, – посмотрим дом изнутри. А Аннет к нам присоединится, если захочет, попозже.

С этими словами он решительно увёл Павлина в дом, оставив на крыльце Анну с мальчиком.

Арсений хотел кинуться за ними, но девушка положила мальчику ладонь на плечо, одновременно и утешая, и удерживая. Хватка её тоненьких пальцев оказалась неожиданно крепкой, так что попытка Арсения освободиться не увенчалась успехом.

– Послушай меня, дружок, – мягко сказала она, – дом – это не четыре стены и крыша, а место, где тебя любят и ждут. Потерпи немного. Я обещаю, что у тебя снова будет настоящий дом.

Лепесток 6

Полковник Лискин пребывал в скверном настроении. И дело было даже не в том, что у господина инуктора хватило наглости вытащить его из-за карточного стола в разгар игры, когда на руках у него были все четыре дамы. Дядюшка Лука, инуктор Версаново, не стал бы тревожиться из-за пустяков.

– Итак, почтенный дядюшка, о чём вы хотели поговорить? – спросил полковник обеспокоено, когда они вышли на балкон.

– О дуэли, любезнейший Дмитрий Александрович, о дуэли.

– О какой дуэли? – Удивление полковника было искренним. Поединки случались в полку нередко, но дядюшка Лука никогда прежде не интересовался ими.

– О дуэли корнета Слепнёва с приезжим, которая назначена на следующий вторник.

– А, эта... Я бы не возражал, чтобы корнет поучил правилам вежливости столичного задиру, – ухмыльнулся Лискин.

– Увы, боюсь, что ключевое слово здесь «столичного», – кротко произнёс инуктор, стараясь скрыть от собеседника своё раздражение. Полковник Лискин был служакой, отлично знавшим своё дело, когда речь шла о кавалерии, но совершенно неискущённым в интригах. – Этот молодой человек – протеже самой княгини, и кроме того у него есть, очевидно, другие покровители. В канцелярии Великого Инуктора о дуэли узнали раньше меня и рекомендовали нам предотвратить её. Думаю, не стоит объяснять, что будет, если мы этой рекомендацией пренебрежём. Лискин кивнул, понимая, что в этом случае на карьере можно будет поставить жирный крест.

– А на карьере Слепнёва, – продолжал Лука, выделив голосом «карьеру», – дуэль уже не повлияет, потому что у мёртвых нет карьеры.

– Позвольте, – возмутился полковник, – но поединок до первой крови...

– В случае господина Задольского, – вздохнул инуктор, – первая кровь становится последней.

До меня из столицы дошли слухи, – продолжал он почти шёпотом, – что за его спиной три дуэли. И все со смертельным исходом. Причём два его последних противника были известными бретёрами. Этот юноша либо избегает дуэлей, либо убивает, и одинаково хорошо владеет шпагой и пистолетом.

Полковник нахмурился.

– Почему бы вам, дядюшка Лука, не попытаться уговорить Задольского принести извинения? – сказал он. – А я прослежу за тем, чтобы извинения были приняты.

– Отчего ж не попытаться, – усмехнулся инуктор. – Попытаться можно. Но не лучше ли было бы, чтобы дуэль не состоялась? Например, в связи с отсутствием одной из сторон, вызванным обстоятельствами чрезвычайной важности?

Полковник с любопытством посмотрел на собеседника. В дуэльном кодексе действительно существовало понятие дуэли, не состоявшейся по обстоятельствам чрезвычайной важности. Но в этом случае секундантам вменялась обязанность перенести дуэль.

– Почему бы вам не отправить корнета с поручением куда-нибудь в Зареченск? Или в Кутяпово? Дня три туда, три обратно, как раз дуэль и пропустит, – предложил инуктор. – А к его возвращению господин Задольский закончит свои дела и вернётся в столицу. Так что назначить новую дуэль им будет затруднительно.

– Вернётся ли? – с сомнением произнёс полковник. – Это может быть воспринято, как бегство.

– Вернётся... – коротко ответил инуктор.

– С поручением, говорите? – Лискин задумался. – Нет, я этого дуэлянта, – далее последовали эпитеты, не слишком подходящие для употребления в приличном обществе, – на гауптвахте запру. Оговорка про обстоятельства чрезвычайной важности как раз для пребывания на гауптвахте придумана.

Дядюшка Лука улыбнулся.

– Не сомневался в вашей мудрости, Дмитрий Александрович, – сказал он, – а теперь я, с вашего позволения, откланяюсь. Пойду вразумлять господина Задольского, хотя надежды на успех немного.

Лепесток 7

– Прошу прощения, Виталион, за поведение моего подопечного, – сказал Павел Алексеевич, входя в залитую солнечным светом залу. На самом деле поведением этим Павел Алексеевич был очень даже доволен. Пожелай он выставить Арсения не в лучшем свете, ему не удалось бы додуматься до безобразия, которое тот только что учудил. – Глядя на него, я радуюсь, что у меня нет собственных детей.

– Как же вам тогда повезло стать опекуном? – удивился юноша.

Павел Алексеевич ждал этого вопроса, и всё же замешкался, всем своим видом выражая нежелание обсуждать эту щекотливую тему.

– М-м-м, видите ли, Виталион, дело в том, – протянул он, – что у господина Вотнова не оказалось близких родственников, готовых взять на себя ответственность за воспитание мальчика...

– Не оказалось родственников или не оказалось желаний? – уточнил Виталион.

– Первое, – ответил Павел Алексеевич, пытаясь быть любезным. Разговор явно сворачивал в опасное русло, и протеже княгини внезапно перестал казаться ему наивным юношей.

– Вот как, – сказал Виталион с насмешливым недоверием. – А как же госпожа Вотнова? Неужели у неё тоже не нашлось родственников?

– Насколько я знаю, нет, – отвечал Павел Алексеевич, чувствуя, как почва уходит у него из-под ног. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы родственники Вотновой оставались пока в неведении о случившемся.

– Странно, – заметил Виталион, – ни близких, ни дальних родственников? И в завещании опекун не указан был?

– Увы, – вздохнул Павел Алексеевич, чувствуя себя уверенней. – Григорий Вотанов был человеком молодым и легкомысленным, умирать не собирался. Он составил своё завещание, вступая в права наследования, и после рождения сына не удосужился обновить его. В нём не было оговорки про опекуна, так что барону Горде, городскому голове, пришлось выбирать из местных дворян.

– Вот как, – снова произнёс Виталион, поражая умением вложить в два коротеньких слова богатейшую палитру оттенков сомнения и недоверия.

– Увы, барон счёл меня самой достойной кандидатурой, – снова вздохнул Павел Алексеевич, и это «увы» относилось к той сумме, которую ему пришлось выложить за то, чтобы убедить старого пройдоху в своих достоинствах. – Он уговорил меня позаботиться о мальчике. Сколько раз я потом жалел о своём неосторожном согласии.

– Неужели опекунство столь обременительно? – невинно удивился Виталион, но Павла Алексеевича уже не обманывала эта мнимая наивность.

– О, да. Для начала мне пришлось решать вопрос с гувернёром.

Прежний, узнав о смерти хозяев, покинул Версаново с первой же оказией. Да и остальные слуги разбежались.

– Отчего же? – ещё больше удивился юноша.

– Видите ли, – замялся Павел Алексеевич, – родители моего подопечного погибли в результате несчастного случая. Но по городу поползли слухи, – он снова замялся, подбирая слова, – будто Вотановы стали жертвами Дикой Охоты.

– И что же? – спросил Виталион заинтересованно, подобравшись, как пёс, унюхавший добычу.

– Говорят, что души тех, кто стал жертвами Охотника, не находят покоя, и их тянет к дому. Надо ли говорить, что встреча с неуспокоенной душой не сулит живым ничего хорошего.

– Какая глупость, – фыркнул Виталион.

– Конечно, Дикая Охота – пустое суеверие, – согласился Павел Алексеевич. – Но мне с большим трудом удалось найти слуг, согласившихся поселиться в доме, не говоря уже о гувернёре. Потому-то я и решил продать усадьбу и перевезти мальчика в более безопасное место.

– Мудрое решение, – согласился Виталион, – к тому же позволяющее вам избавиться от обременительных опекунских обязанностей.

Но Павел Алексеевич не собирался так просто сдаваться.

– Право, Виталион, обязанности обременительны, но я не спешу от них избавляться, тем более, что покойный Григорий Александрович был моим другом. Разумеется, по закону при продаже усадьбы опекунство может перейти к покупателю, но, – тут Павел Алексеевич сделал многозначительную паузу, – это ведь необязательно. Почему бы нам не договориться и не отметить в договоре, что усадьба продаётся без обременения опекунством?

Виталион оценивающе посмотрел на собеседника, и у Павла Алексеевича появилось ощущение, будто юноша видит его насквозь. Странное и неприятное ощущение, подобное которому он испытывал лишь единожды, при первой встрече с Мадам.

Павел Алексеевич поспешил заполнить паузу, возникшую в разговоре.

– Как я уже говорил, планировка господского дома совершенно обычная. Помимо прихожей, через которую мы только что прошли, и залы, в которой мы сейчас находимся, здесь есть гостиная и столовая. На втором этаже расположены хозяйская спальня, детская, а также гостевые комнаты.

Виталион кивнул, рассматривая стену залы, покрытую разноцветными пятнами.

– Что это, Павел Алексеевич?

– О, это, – Павел Алексеевич усмехнулся, – плоды трудов местных художников. Григорий Алексеевич уверял своих гостей, что на ней изображены сцены охоты на оленя и кабана, по крайней мере, заказывал он именно их.

– Да, пожалуй, – после минутного раздумья согласился Виталион. – Вот это отдалённо напоминает всадника, а эти пятна похожи на собак. Павел Алексеевич снова усмехнулся, стараясь ничем не выдать охватившее его беспокойство. Протеже княгини ни слова не сказал об опекунстве.

– Если вы, Виталион, ходите взглянуть на более серьёзную живопись, – сказал Павел Алексеевич, – нам следует навеститься к мадам Каро. Она специально выписывала из столицы художника. У мадмуазель вообще всё лучшее – живопись, вино...

– Девочки, – подсказал, краснея, Виталион.

– Девочки, – подтвердил Павел Алексеевич. – Думаю, они не уступят столичным, хотя мне сравнивать сложно. Другое дело вы. – Он заговорщицки подмигнул Виталиону. – Почему бы нам не навестить мадам сегодня вечером?

– Боюсь, что и мне будет сложно сравнить, – ещё сильнее покраснел юноша. – В столице у меня не было надобности посещать подобные заведения и покупать то, что получаю даром. К тому же, Её Сиятельство не одобрила бы моё появление в таком месте.

Павел Алексеевич возликовал, обнаружив слабое место поверенного княгини.

– Почему бы вам не воспользоваться случаем, – предложил он, – раз уж вы вырвались из-под её строгой опеки?

Шальная улыбка бабочкой порхнула на лицо Виталиона.

– Действительно, почему бы нет! – Воскликнул юноша.

Лепесток 8

Павел Алексеевич не преувеличивал достоинства заведения мадам Каро. Там действительно заслуживало превосходной степени в описаниях всё, начиная с самой мадам. Об этом Павел Алексеевич подумал, когда вместе с Виталионом шагнул в дверь, распахнутую перед ними расторопным лакеем. Тот же лакей проводил их в приёмную, где их ждала хозяйка. Взглянув на неё, Павел Алексеевич отметил, что мадам подготовилась к визиту столичного гостя. Платье, оставлявшее обнажёнными плечи, руки и большую часть высокой груди, было дополнено газовой косынкой, слегка прикрывавшей вырез, что придавало ей вид порочно-невинный. Павел Алексеевич, в который раз восхитился умению сочетать несочетаемое и создавать каждый раз неповторимый образ.

Мадам нельзя было назвать идеальной красавицей, поскольку рот её был великоват, и горбинка на носу противоречила любым канонам красоты, но эта же горбинка придавала ей шарм, а неправильность лишь усиливала её привлекательность. Каждая из девушек, сидевших рядом с ней, была хороша по-своему, но мадам затмевала их всех, не прилагая к тому, казалось бы, никаких усилий.

Улыбка вспыхнула на её лице при виде гостей.

– Павел Алексеевич, какой приятный сюрприз! Мы уж думали, вы совсем забыли о нас! – воскликнула она с такой искренней радостью, что Павел Алексеевич поверил бы, не пришли он заранее записку. – Представьте же мне вашего друга!

Но не успел Павел Алексеевич открыть рот, как его молодой спутник взял инициативу в свои руки.

– Виталион Задольский к вашим услугам, мадам, – сказал он, – но вы, чаровница, можете звать меня просто Тали.

При этом юноша непринуждённо коснулся губами руки хозяйки, как того требовали светские приличия, но не остановился на этом, а нежно поцеловал запястье.

– Так уж и чаровница, – кокетливо улыбнулась хозяйка.

– Вы спрашиваетесь на комплимент, мадам Каро, – рассмеялся тот. – Но поверьте мне, и в столице мало найдётся дам, чьё очарование сравнится с вашим.

Он снова прикоснулся губами к запястью.

– К этому платью подошёл бы браслет в виде золотой змеи. – Продолжал Виталион.

Павел Алексеевич заметил удивление, мелькнувшее на мгновение в глазах хозяйки.

– С глазами из жёлтых топазов? – спросила она.

– Нет, к вашим глазам больше подойдут сапфиры, – уверенно ответил Виталион.

– Я приму к сведению ваш совет, Тали, – проворковала мадам, и только очень внимательный наблюдатель, к каковым относил себя Павел Алексеевич, мог заметить, что улыбка её стала чуточку более напряжённой.

– А теперь позвольте мне представить вам девушек.

Имена, данные девушкам в честь Муз-вдохновительниц, запомнить было несложно, и кому какое дело, если Эвтерпу прежде звали Фросей, а Клио – Парашей?

Виталион поцеловал пухленькую хохотушку Талию в щёчку, а высокую фигуристую Уранию – в шею, и для каждой нашёл пару слов, заставивших девушек покраснеть от удовольствия. Павел Алексеевич, видевший, как краснеет и смущается мальчик, скрытый иллюзией красавца, непринуждённо кокетничавшего с девицами, с трудом сдерживал улыбку. Поведение юноши наводило на мысль, что слова о получаемом даром удовольствии, если и не были пустым бахвальством, то опыт его был не слишком велик.

– Так кто же из них станет твоей спутницей, Тали, на сегодняшний вечер? – спросила мадам, закончив церемонию представления.

– Они все прелестны, и каждая из них хороша по-своему, – ответил Виталион. – Но Павел Алексеевич пригласил меня сюда, чтобы я узнал, в чём разница между любительницей и профессионалкой. Я надеюсь, что вы сами выберете для меня спутницу на этот вечер.

– Это не в моих правилах, – соблазнительно облизнув губки, словно бы пересохшие от волнения, сказала мадам, – но я сама покажу тебе, в чём разница. Пойдём.

Она протянула юноше руку, но тот сперва поцеловал тонкие пальчики, а потом вложил в руку тяжёлый кошелек. И только после этого последовал за ней в комнату.

Павел Алексеевич, поманил пальцем Талию, и девушка послушно подошла к нему.

– А ты сумеешь показать мне разницу? – Спросил он, обвиняя рукой талию Талии.

– Я попробую, – задорно улыбнулась она.

Проходя по коридору, Павел Алексеевич замедлил шаг перед дверью, из-за которой доносился голоса.

– Нравится? – спросил Виталион.

– Да, очень, – донёсся восхищённый ответ мадмуазели, и Павел Алексеевич мог поклясться, что в нём не было ни грана притворства. Желания жриц любви редко волновали клиентов, и Павел Алексеевич полагал, что самым надёжным афродзиаком для них является золото. И всё же любопытно, что такого придумал юнец...

Больше Павел Алексеевич ничего не услышал, поскольку внезапно наступила тишина. Очевидно, Виталион включил поглотитель звуков, скрытый в одном из перстней, унизывавших его пальцы. Можно было сказать, что этот парень носил на руках половину Версаново.

– А ваш красавчик даром времени не теряет, – хихикнула Талия.

– Да уж, – кисло улыбнулся Павел Алексеевич, решив обдумать возникшую вдруг идею в более подходящей обстановке. – Пожалуй, и нам стоит с него пример, Талочка, а?

Обняв крепче хихикающую девицу, Павел Алексеевич двинулся вместе с ней в спальню, размышляя по дороге, что скажет Мадам, услышав о кольцах Виталиона.

Лепесток 9

Ни боль в пальцах, покрасневших и распухших от ударов линейкой, ни бурчание живота, протестующего против пропущенных обеда и ужина, не беспокоили Арсения так, как слова, брошенные ему Яковом в процессе экзекуции: «Даже не представляю себе, господин Чердачник, как вы будете жить без своего чердака!»

Отставной поручик бил линейкой по рукам без жалости, вымещая на мальчишке злость после разговора с Павлином. Должно быть, у опекуна нашлось, что сказать гувернёру, допустившему, чтобы ученик появился перед гостями в таком непрезентабельном виде. Ради этого разговора Павлин не поленился даже, проводив гостей в город, приехать в усадьбу ещё раз. О, какое лицо было у Якова, когда он вышел после беседы с нанимателем! Ради удовольствия полюбоваться таким выражением лица 'наставника' Арсений согласился бы снова вытерпеть экзекуцию и ещё раз остаться без ужина.

Но ярость Якова не прошла, не перешла, как случалось обычно, в раздражение, а потом в хмельное добродушие. До Арсения, запертого в комнате, доносились указания, даваемые Петрушке, перемежаемые витиеватыми ругательствами. Мальчик поёжился от ужаса. Похоже, Павлин не хотел терять времени и приказал, чтобы всё было готово к отъезду к завтрашнему утру. Но куда они поедут? Что это за место, если при упоминании о нём отставной поручик брызжет проклятиями? А ведь перед Арсением уже забрезжила надежда расстаться с Павлином и уехать из Версаново туда, где его будет ждать дом, обещанный красавицей Анной.

Нет, решено. Арсений не будет ждать утра и будущего, уготованного ему Павлином. И напрасно Яков думает, что замок на дверях сможет удержать его взаперти. Окна детской выходят в парк, и, стоит лишь распахнуть створки, как к его услугам будет настоящая лестница из веток.

Вот только справиться с окном оказалось не так просто. Старая рама отчаянно сопротивлялась усилиям мальчика, и открылась, наконец, с таким стуком, что его расслышал даже 'наставник', как назло в эту минуту набравший в грудь воздуха для следующей тирады.

– Арсений, – заорал Яков, – что ты там делаешь?

В коридоре послышались торопливые шаги, но прежде, чем ключ повернулся в замке, мальчик уже был в парке.

– Арсений! – Донеслось из окна. Хотел бы Арсений посмотреть, как отставной поручик распахнул дверь и растеряно оглядел пустую комнату. – Арсений!

Но растерянность быстро сменилась пониманием, и в следующее мгновение до мальчика донеслось: – Никуда от меня не денешься, негодник! погоди, ты у меня дождёшься!

Годить и дожидаться Арсений не собирался, со всех ног устремившись по аллее к лазейке в заборе, окружавшем усадьбу. Но и Яков не терял времени даром. Поспешно сбежав по лестнице со второго этажа, он, кликнув Петрушку, бросился следом за беглецом.

Мальчик бежал изо всех сил, но расстояние между ним и преследователями сокращалось.

– Держи его, Петру... – крикнул Яков совсем рядом, но вдруг осёкся. Низкий протяжный вой раздался совсем рядом.

Арсений оглянулся на бегу и упал, зацепившись ногой за выползший на аллею корень. Не обращая внимания на боль в коленках, он снова обернулся, глядя туда, где между ним и преследователями стояла белая борзая, чья шерсть казалась клочьями тумана, ещё не поднявшегося в этот предвечерний час. А на лицах Якова и Петрушки был нарисован такой ужас, словно не собаку они увидели, а настоящее привидение.

– Ди-ди-дикая охота, – заикаясь от страха, пробормотал Яков.

– Ди-ди-кая охота, – стуча зубами повторил Петрушка.

Не произнося больше ни слова, оба попятились, сперва медленно, а потом всё быстрее и быстрее, делая на ходу оберегающие знаки, не возымевшие на борзую никакого эффекта.

Пёс молча стоял и смотрел на перепуганных мужчин, не делая ни малейшей попытки догнать их, и лишь когда они скрылись в доме, издал лаконичное «гав», похожее на короткий смешок. Потом он повернулся и подошёл к мальчику. Красные глаза борзой, так напугавшие Якова и его помощника, смотрели ласково, а «ррр-гав», хоть и звучало как-то странно, было похоже на «пошли, дружок».

Арсений осторожно протянул руку, чтобы погладить своего спасителя, но рука прошла сквозь морду, а пёс повернулся и неторопливо затрусил по дорожке вперёд. Сделав несколько шагов, он обернулся и посмотрел на застывшего в изумлении мальчика. Странное дело, но даже осознание призрачности пса не вызвало у Арсения ни страха, ни сомнений. Зато откуда-то пришла уверенность, что доверять борзой можно куда больше, чем Якову и Павлину.

Укоризненный взгляд его был столь красноречивым, что Арсений покраснел и поспешил следом за псом. Они прошли по аллее почти до высокой металлической ограды, отделявшей парк от леса. Мальчик остановился, примеряясь, как бы половчее перебраться через ажурное плетение, ошетилившееся сверху гирляндой острых листьев, но пёс, коротко тьякнув, нырнул в кусты, росшие у самой ограды. Арсений последовал за ним, не обращая внимания на ветки, бившие по рукам в лицо и цеплявшиеся за одежду. Призрачный проводник вывел мальчика к искусно замаскированной лазейке в ограде и, не дав тому задуматься, кто и зачем соорудил её, повёл дальше.

Полузросшая тропинка, на которую они вышли, уводила, извиваясь, всё глубже в лес. Пёс то забегал вперёд, то останавливался, к чему-то прислушиваясь, то возвращался, парой коротких гавов подбадривая и поторапливая мальчика. Он не давал Арсению остановиться, разрешая лишь иногда немного сбавить темп. Потихоньку темнело, и Арсений понял, почему проводник так поторапливал его. Двигаясь почти наощупь, мальчик брёл за борзой, чья шерсть мягко светилась во мраке. К тому времени, когда тропинка, изрядно попетляв, вывела их к просёлочной дороге, Арсений совсем выбился из сил.

Но, пройдя всего несколько шагов, пёс остановился у раскидистой старой липы, росшей на обочине. Призрачная борзая обошла вокруг дерева раз, другой, и, наконец, уселась под ним. Арсений бессильно опустился на землю рядом с проводником, сонно подумав, что попробуй он кому-нибудь рассказать о происходящем, его поднимут на смех. Пёс оценивающе посмотрел на мальчика и коротко гавкнул, разрешая отдыхать. Арсений привалился спиной к шершавому стволу, повозился минутку, устраиваясь поудобнее, и задремал, сам того не заметив. Ему снилось, что папенька собирается на охоту – лают собаки, перекрикиваются егеря... Слуга-горбун уже подвёл отцу коня – великолепного чёрного жеребца, но Арсений, сбжав из детской, бросился к папеньке, умоляя взять его с собой.

– Нет, мальчик мой, – почему-то печально улыбнулся папенька. – Это не твоя охота, подрасти немного, сынок.

Жгучие слёзы обиды подступили к глазам Арсения, а слуга, державший повод, подмигнул и страшно усмехнулся, показав неровные жёлтые зубы:

– Не торопись, паренёк.

От этой усмешки Арсения ухватил ужас, и слуга вдруг показался и не слугою вовсе, а надсмотрщиком, понуждающим папеньку ехать. Мальчик вздрогнул и проснулся.

Призрачная борзая сидела рядом, насторожено прислушиваясь к звукам, доносившимся из леса. Похоже было, что кто-то выехал на охоту, хотя кому взбредёт в голову охотиться в такое время?

Арсений потянулся и попытался встать, но его спутник, злобно рыкнув, приказал ему не шевелиться. Мальчик, уже не удивляясь тому, как легко он понимает призрака, замер и тоже стал прислушиваться.

Лай становился всё громче, потом к нему добавились ржание и конский топот. Арсений, терзаемый страхом и любопытством, осторожно выглянул из-за ствола липы. Он увидел вдали маленькую фигурку всадника, мчащегося во весь опор. Полы его чёрного плаща развивались по ветру, и казалось, будто у белого коня выросли чёрные крылья. Длинная грива, взметённая ветром, щедро посеребрённая луной, придавала коню вид сказочный, нереальный, почти такой же нереальный, как у призрачного охотника, мчавшегося за ним по пятам. За ними на небольшом расстоянии неслась свита охотника – призрачные собаки разных пород и призрачные птицы.

Кавалькада приближалась, и всё громче становились собачий лай и пронзительные крики птиц. Но этот шум напомнил Арсению не об охоте, а об ипподроме, куда папенька иногда брал сына с собой, где зрители поддерживают фаворита, скандируя его имя. Мальчику даже показалось, что он различает в лае и птичьем галдеже ритмично повторяющееся «Аэрт».

Зрелище было настолько завораживающим, что призрачной борзой пришлось предупреждая гавкнуть пару раз, чтобы заставить мальчика вернуться в укрытие за стволом липы. Арсений закрыл глаза, прислушиваясь к приближающемуся топоту и гвалту охоты. Едва всадник миновал липу, как раздался рык, принадлежавший, Арсений мог поклясться в этом, призрачной борзой. Рык сменился коротким визгом и конским ржанием. Судя по интонациям, конь, приплясывавший на месте, бранился, не стесняясь в выражениях.

– Ра ар на вайдо, Аэрт! [“Ты меня не поймал, Аэрт!” Перевод с тарского] – донёсся до мальчика звонкий голос.

– На бакат! [“Не считается!” Перевод с тарского] – прогремело в ответ. И всё стихло. Наступившую тишину нарушал только неторопливо приближающийся цокот копыт. Похоже было, что всадник повернул своего коня к городу. Затем смолк и цокот.

Арсений сидел, всё ещё не смея открыть глаза, всё ещё не веря, что всё обошлось. Он вздрогнул, когда тонкая рука коснулась его лба.

– Арсений, что ты тут делаешь? – удивлённо спросил кто-то.

Арсений открыл глаза и увидел озабоченное лицо склонившегося над ним Виталиона.

– Сплю, – почти честно ответил мальчик. В конце концов, он и сам не был твёрдо уверен, не приснилась ли ему Дикая Охота. Да и в самом Виталионе не было сейчас ничего мистического.

– Что же мне с тобой делать? – задумчиво спросил юноша и, не дожидаясь ответа, приказал. – Вставай.

Арсений молча поднялся на ноги и пошёл вслед за Виталионом к светло-соловому коню, послушно ожидавшему их у дороги.

– Для мадам Каро ты ещё маловат, – продолжал рассуждать вслух юноша, – но, с другой стороны, там тебя искать точно не станут.

Он рассмеялся своей шутке, непонятной мальчику, но Арсений рассмеялся вместе ним, рассмеялся от радости и пришедшей откуда-то уверенности, что все его беды позади, и отныне всё будет хорошо.

Лепесток 10

Тяжёлые портьеры густого коричневого цвета, который хозяин комнаты, демонстрируя свою учёность, называл цветом бистра, были плотно задёрнуты, чтобы не пропустить в кабинет ни единого солнечного лучика. Бархатный полумрак разбавлял лишь свет единственной свечи, стоящей на столике перед большим зеркалом в тяжёлой бронзовой раме.

В глубоком кресле у столика сидел Павел Алексеевич в тёмно-оливковом бархатном халате с коричневой оторочкой, так удачно гармонировавшей с портьерами, обивкой кресла и плюшевой скатертью. Но сегодня убранство кабинета, которое он подбирал для себя, как подбирают раму к картине, не радовало.

Он мрачно смотрел на шкатулочку, в бархатном ложе которой тускло отсвечивал серебряный перстень с печаткой.

Отвратительный скорпион, красовавшийся на печатке, казался почти живым, а жало на его хвосте... Жало было намного острее, чем казалось на первый взгляд, и Павел Алексеевич знал на собственном опыте, насколько болезненные царапины оно оставляет. Такой способ вызова с самого начала не понравился ему, и он даже попытался спорить, но Мадам пресекла его сопротивление коротким смешком, добавив: «Боль будет поруккой тому, что вы не станете злоупотреблять моим вниманием». Павел Алексеевич мог бы поклясться, что и без того не станет злоупотреблять её вниманием, что от души жалеет, что, прельстился пряником вечной молодости, но повторить это вслух не посмел.

Будь у него хоть малейший шанс отложить неприятнейший разговор, Павел Алексеевич не преминул бы им воспользоваться, но ситуация была такова, что дальнейшее промедление было чревато возобновлением знакомства с огненным кнутом. А посему Павел Алексеевич решительно потянул вверх широкий рукав халата. Засучив рукав белоснежной батистовой рубашки и мельком взглянув на тянущиеся от локтя к запястью едва зажившие следы предыдущих контактов, он надел перстень на палец и провёл печаткой по обнажённой руке. Не глядя на начавшую набухать кровью царапину и не обращая внимания на боль, Павел Алексеевич поднёс окровавленную печатку к свече и закрыл глаза, чтобы не видеть ослепительной вспышки, которая должна была последовать.

Открыл он глаза, услышав томный, чуть хриловатый женский голос:

– Ну-с, любезнейший, чем вы меня порадуете? Мальчишка на месте? Из зеркала на Павла Алексеевича смотрела женщина в маске из чёрных перьев. Маска полностью закрывала лицо, оставляя открытыми пронзительные чёрные глаза и широкий тонкогубый рот.

– Нет, – с трудом выдавил из себя Павел Алексеевич.

– Вот как? – Делано удивилась его собеседница, поигрывая коротким костяным жезлом, увенчанным ярко раскрашенным птичьим черепом, в котором Павел Алексеевич со страхом узнал рукоять огненного кнута.

– Я должен был забрать его сегодня утром, – поспешил оправдаться он. – Но когда я приехал в усадьбу, то обнаружил там только насмерть перепуганных слуг и поседевшего гувернёра, заявивших, что Арсения похитил Дикий Охотник.

– Вот как? – задумчиво повторила Мадам.

– Я взял собак и попытался пойти по следу мальчика. Псы поджимали хвост, жалобно скулили, но след не брали.

– Очень любопытно, – произнесла Мадам. – А приезжий мальчика видел?

– Да, вчера, мельком, – поспешно ответил Павел Алексеевич. – Я не мог отказать представителю покупателя в просьбе осмотреть усадьбу.

– Я должна была предвидеть, – пробормотала Мадам, обращаясь скорее к себе, чем к собеседнику, – что этот змей вас переиграет.

На мгновение она прикрыла глаза, размышляя, а потом, словно приняв решение, снова открыла. Павел Алексеевич съёжился под её взглядом.

– Вот что, любезнейший, – сказала Мадам, – я разочарована. Вы не смогли справиться с простейшим поручением.

– Простите, Мадам. – Прошептал побелевший от ужаса Павел Алексеевич, не отрывая глаз от рукояти кнута.

– И это не первый раз, когда вы подвели меня, – продолжала Мадам. – Но, надеюсь, последний.

– Да, да, последний, – подтвердил дрожащий Павел Алексеевич.

– Да, последний, – кивнула головой Мадам, – потому что если вы разочаруете меня снова...

Продолжать она не стала, но пауза была столь многозначительной, что Павел Алексеевич понял: в следующий раз его ждёт смерть, причём, весьма и весьма мучительная.

– Приказывайте, Мадам, – с трудом повинующимися губами прошептал он.

Лепесток 11

Большая зала дома барона Горде, как сказал бы романист, сияла огнями, а, говоря попросту, была освещена множеством свечей. Полковник Лискин, оглянувшись по сторонам, подумал, что бережливой, если не сказать скуповатой, баронессе огарков от сегодняшнего вечера хватит на весь оставшийся год. Но в этот вечер она не сэкономила на убранстве дома, желая показать столичным гостям, что Версаново может блистать, и в прямом, и в переносном смысле. Той же мыслью, похоже, были одержимы все или почти все гости. Пышные причёски дам и девиц, щедро украшенные перьями и цветами, заставили полковника посочувствовать окрестным петухам, враз оставшимся без хвостов, а глубина декольте – всерьёз обеспокоиться о самообладании господ офицеров.

Обычное желание жителей провинции «дотянуться до столицы» или хотя бы показать, что «не лыком шиты», подогревалось курсировавшими в последние дни слухами о приезде, успевшем в первый же день пребывания в городе ввязаться в дуэль. При этом называлось несколько версий того, что послужило поводом для неё. Натуры чувствительные, особенно барышни, томно закатывая глазки, с придыханием рассказывали о некоей романтической истории. Мужчины больше придерживались версии о том, что виной всему заносчивость столичного пшюта⁵. Зато и те, и другие сходились во мнении, что сестра приезжего – та ещё штучка, вкладывая в это понятие диаметрально противоположный смысл. Полковник, знавший о дуэли от самого корнета Слепнёва, а красавиц на своём веку повидавший немало, от любопытства не страдал. Он коротал время в обществе помещика Вахрушева и ротмистра Ларцева, обсуждая с ними стати жеребцов-фаворитов ближайших скачек.

Когда Васька, повышенный ради торжественного случая до Василия и облачённый в красную ливрею с золотым позументами, голосом, от которого зазвенели подвески хрустальной люстры, возвестил: «Господин Задольский, мамзель Задольская», полковник даже не взглянул в сторону дверей. Достаточно было посмотреть на то, как изменилось лицо Вахрушева, стоявшего лицом к входу. Восхищение, вспыхнувшее на лице помещика, известного ценителя лошадей и женщин, говорило о многом.

Возможность как следует рассмотреть приезжих появилась у полковника во время полонеза, с которого начинался бал. Открывал его приземистый барон в коричневом сюртуке и зелёном жилете, ведший за руку Задольскую, похожую на фарфоровую куколку, которую полковник подарил племяннице на именины. Только в отличие от куклы, неподвижно сидящей на полке и удивлённо глядящей на мир нарисованными глазами, девушка двигалась легко и грациозно. А улыбалась так, как улыбаются только молоденькие девушки, уверенные, что мир, прекрасный и удивительный, созданный для радости, лежит у их ног. Потом, когда эти наивные бабочки обжигают крылья о лампу суровых реалий, улыбки тускнеют и выцветают, теряют свою искренность. Но пока юная гостья в небесно-синем платье, отделанном белым кружевом, и в самом деле казалась бабочкой, порхающей около старого замшелого пня.

Её брат вёл во второй паре дородную баронессу, оставившую ради полонеза своего мопса, и саму похожую на мопса выкаченными глазами и многочисленными подбородками. В движениях молодого человека, плавных и изящных, словно перетекающих одно в другое, чувствовалось что-то знакомое.

Полковник, шедший в третьей паре, мог без помех наблюдать и размышлять, благо его партнёршей была, Лизанька, дочка хозяев. Девушка, обещавшая со временем стать похожей на мать, болтала без умолку. Восторженный монолог крутился вокруг того, как осенью она поедет в столицу и будет представлена ко двору. Полковник искренне сочувствовал её отцу,

---

⁵ Пшют – фат, хлыщ (устаревшее разговорно-пренебрежительное).

которому предстояли немалые расходы на платья, украшения, не говоря уже о наставнице. Приезда дамы, пообещавшей подготовить Лизаньку к выходу «в свет», ожидали со дня на день. Лискин время от времени кивал или вставлял вежливое «неужели». Его мысли были заняты молодым Задольским. Полковник пытался вспомнить, кого же тот напоминает. Покопавшись в памяти, он вспомнил генерала Лосева, бывшего Золотого Змея, преподавшего в Академии стратегию. По Академии, куда штабс-ротмистр Лискин был в своё время откомандирован, о генерале ходили самые невероятные слухи. И штабс-ротмистр был склонен поверить в то, что слухи не преувеличивали, а преуменьшали способности генерала. Особенно после того, как на глазах у Лискина Змей в одно мгновение подобрался к пьяному громиле и лёгким прикосновением свалил того с ног.

Внешне между генералом и молодым протеже княгини Улитиной не было ничего общего. Ничего, кроме змеиной текучести движений, свидетельствовавшей, что хрупкость приезжего – кажущаяся, а дуэль с ним – смертный приговор для любого, кто не умеет двигаться столь же быстро. И обеспокоенность канцелярии Великого Инуктора – лишнее тому подтверждение. Что же такое происходит, если сюда прислали Змея? И почему об этом не знает дядюшка Лука? Во всяком случае, не знал во время давешнего разговора.

Зелёное сукно карточных столов давно уже было милее полковнику, чем натёртый до блеска паркет. Оттанцевав обязательный полонез, Лискин обычно покидал бальную залу. Но в этот вечер полковник променял вист на мазурку с мадмуазель Задольской.

Сделал он это не ради прекрасных глаз мадмуазель, хотя серые глаза, глядящие на мир с любопытством, были и в самом деле прекрасны, а потому, что надеялся узнать побольше о молодом Задольском. Мазурка же давала возможность не только поговорить с красавицей, но и сопровождать её к столу.

Вот только разговор сложился совсем не так, как ожидал полковник.

– Я много слышала о вас, господин полковник, и польщена, что вы ради меня изменили своим привычкам, – сказала девушка, подавая ему руку.

– Это я польщён, сударыня, – с улыбкой ответил полковник, – что вы согласились подарить мне этот танец. Но удовлетворите моё любопытство: от кого же вы слышаны о моих привычках? От штабс-ротмистра Кваснёва?

– От него, – кивнула с невинной улыбкой Задольская. – И от князя Белицкого.

При упоминании своего командира Лискин чуть не сбился с такта, мысленно порадовавшись моде на мазурку лениво-небрежную, не требующую затейливых антраша, обязательных во времена его молодости. Тем временем его партнёрша словно ненароком коснулась рукой подвески – своего единственного украшения, сильно отличавшегося от тяжёлых обрильянтъевых коле, сверкавших на шеях версановок. Лунный камень в причудливой серебряной оправе, словно паривший на паутинке цепочки над скромным вырезом платья, чуть потемнел, и звуки мазурки притихли, словно доносясь из далёкого далека. Таких миниатюрных и изящных искаателей звука Лискин ещё не видел.

– Вот теперь, полковник, – улыбнулась Задольская, – мы можем спокойно поговорить. Собственно, говорить с вами должен был бы мой брат, но ему встретиться с вами для конфиденциальной беседы сложнее.

– Да, его пригласить на танец мне было бы сложно, – хохотнул полковник, словно услышал остроумную шутку. И то сказать, искачитель искажителем, но на них сейчас устремлены десятки глаз. – Так о чём же вы хотите поговорить, сударыня?

– Князь шлёт вам семикратный привет, – сказала девушка, улыбаясь так, словно флиртвала со своим собеседником. И продолжала тоном, далёким от нежного. – Наши полномочия подтвердите вестником.

Если бы утром полковнику сказали, что он услышит про семикратный привет – код неограниченных полномочий – от хорошенькой девицы, счёл бы дурной шуткой. Но доста-

точно было сравнить искажитель звуков, украшавший девичью шею, со стационарным, размером в лошадиную голову, стоявшим в его собственном кабинете, чтобы понять, что весельем здесь не пахнет. Хотя нет, девочка, похоже, от души забавляется, играя в секретность.

– Чем же я могу быть полезен? – полковник продолжал непринуждённо улыбаться.

– Выделите взвод улан в распоряжение господина Задольского.

– Их задача?

– Силовая поддержка операции.

Полковник кивнул. Выделять людей для силовой поддержки магов ему уже приходилось, но вот поддержка для Змея... С другой стороны, кто в здравом уме будет пахать на призовом скакуне? Вот на рабочих лошадках – пожалуйста. А в том, что армейские офицеры – лошадки рабочие, не поспоришь. Особенно с теми, чьи полномочия позволяют поднять по тревоге весь полк.

– Когда?

– Завтра, к пяти часам вечера они должны явиться в наш дом.

Полковник согласно кивнул. До пяти часов завтрашнего вечера он всяко успеет послать в штаб вестник и получить подтверждение от Белицкого.

– И ещё, – Задольская лукаво улыбнулась, – к взводу должны быть прикомандированы корнет Слепнёв и штабс-ротмистр Кваснёв.

– Откровенно говоря, – полковник слегка нахмурился, – я сомневаюсь в разумности этого шага.

– А вы напомните господам офицерам, – девушка вновь лукаво улыбнулась, – что по Уставу дуэль во время исполнения служебных обязанностей рассматривается как измена.

– Не могу поверить, что такая очаровательная девушка знакома с Уставом! – полковник не смог скрыть удивление.

– Я знакома со своим братом. А он знает не только Устав, – рассмеялась Задольская. – И знает, что делает.

Лепесток 12

– Да будет твоя дорога долгой, тётушка Фатха, а путь лёгким, – сказал Радх, входя в домик Фатхи.

– Входи, мальчик. В моём возрасте, – со вздохом ответила хозяйка, – путь не может быть лёгким, да и на долгую дорогу времени не осталось. Дороги не для стариков, а для молодых.

Радх обеспокоено посмотрел на неё, заметив, как осунулось за время его недолгого отсутствия морщинистое лицо.

– Тогда я, тётушка, пожалуй, запишусь в старики, – заметил он, присаживаясь рядом с ней. – За последнюю пару дней я провёл в седле больше времени, чем за целый месяц.

– И тебе это пошло на пользу, мой мальчик, – сказала Фатха.

Радх хотел было возразить, сказать, что устал, но вдруг понял, что она права. Куда больше он устал от предсказуемой размеренности спокойной жизни, от дней, неотличимых один от другого.

– Ну, не тяни, рассказывай, – приказала старуха. – Ты нашёл Тринха?

– Да, тётушка, – лукаво улыбнулся томалэ. – Он просил передать тебе, что нынешние вертихвостки не стоят и одной оборки твоих юбок.

– Старый прохвост! – фыркнула старуха, но видно было, что ей приятно это слышать. Глаза Фатхи на миг затуманились, словно привет от старого друга – да и друга ли? – вернул её в молодость.

– У Тринха мёд на языке, да нож в кулаке, – проворчала она. – Но ты к нему не за сладкими речами ездил.

– Нет, – усмехнулся Радх. – За горькими. Мудрые речи редко бывают сладкими.

– И что же мудрого он сказал? – спросила Фатха.

– Холодное железо сильнее горячей крови, – ответил Радх.

И положил на столик перед тётушкой железный кругляш размером с монетку. Тринх провозился над ним почти целую ночь, взяв гостя в помощники. Радх пел до хрипоты, повторяя слова за старым кузнецом, пел над сырым железом, потом над раскалённым металлом на наковальне, и над остывшим, на котором под руками Тринха возникал затейливый узор.

Старуха взяла вещицу и поднесла поближе к лицу, разглядывая замысловатый рисунок, вырезанный на ней.

– Смотришь, да не видишь, – пробормотала она. – Хороша штучка. Потом выудила из-под своих бесщётных юбок тонкий шнурок и попыталась вдеть его в дырочку, пробитую в кругляше. Но руки её дрожали, и непокорный шнурок то и дело ускользал от неё.

– Совсем я слепа стала, – вздохнула Фатха.

– Это не беда, – ответил Радх, забрав у старухи амулет. Одним движением томалэ нацепил его на шнурок.

– Не беда, – кивнула Фатха, – а старость.

Тут в дверь нетерпеливо постучали, потом она распахнулась, и в комнату заглянули сразу три хорошенькие головки. Какое-то мгновение девушки переглядывались, подталкивая друг друга. Потом одна из них решилась:

– Как поживает Роза, бабушка Фатха? – выпалила она.

– Роза спит, – ответила старуха. – И будет спать до утра. А теперь брысь отсюда, балаболки!

Дверь захлопнулась, и из-за неё донеслись приглушённые смешки.

– Уже третий раз за сегодня, – покачала головой Фатха.

– Что-то никогда не замечал за девушками большой привязанности к ней, – удивился Радх. Из-за высокомерия и готовности видеть соперницу в каждой встречной красавицу в таборе не любили.

– Это любовь не к Розе, – усмехнулась старуха, – а к рубликам гостей, желающих узнать о ней. Но узнают они только то, что велел говорить Тали.

– Он заходил к тебе? – встrepенулся Радх.

– Нет, – ответила Фатха. – Прислал вестника, велел держать Розу спящей до завтрашнего вечера.

– Вестника?

Вестники, мгновенно перемещающиеся на любые расстояния, были роскошью, доступной только избранным. С другой стороны, доверенное лицо княгини Улитиной, одурачившее самого Охотника, и было самым, что ни на есть избранным.

А в том, что Охотник был одурочен, Радх не сомневался. Он видел это собственными глазами. Тали недаром советовал не оборачиваться. Только и теперь, повторись всё снова, Радх не удержался бы от того, чтобы ещё раз не обернуться, ещё раз не взглянуть туда, где гарцевала ожившая сказка – лунная кобылица. Солнечных зайчиков хоть раз видел каждый, а вот воплощённых лунных кобылок – единицы. И Радх, в жизни которого было две страсти – женщины и лошади, нет, пожалуй, что даже лошади и женщины, сказал бы, что не видел создания прекрасней, чем эта маленькая кобылка, с шерстью, мягко серебрищейся в лунном свете. Сказал бы, если б смог оторвать взгляд от оседлавшей её девушки. Всякий знает, что лунные кобылицы не подпускают к себе людей, не говоря уже о том, чтобы позволить оседлать себя. И потому нагая всадница, которую Радх видел лишь со спины, могла быть лишь мороком, иллюзией.

Но сколько томалэ не убеждал себя в иллюзорности красавицы, стоило закрыть глаза, и она вставала перед ним, как живая. Он видел длинные чёрные волосы, струящиеся по спине, и по-мальчишески узкие бёдра. А во сне Радх верхом на Ветре всё мчался и мчался за ней по бесконечному лугу, то нагоняя, то вновь отставая.

– Вестника, – насмешливо подтвердила старуха, выдёргивая его из паутины мыслей. – Птичкой чирикнул под ухом и – фьють – упорхнул. Проснись, парень!

Она внимательно посмотрела на собеседника и решительно протянула ему амулет.

– Вот что, мальчик. Бери-ка его себе. Чувствую я, что тебе он скоро понадобится.

Никто из томалэ не спорил с Фатхой, когда та говорила «чувствую». Её предчувствия никогда не обманывали, но Радх не удержался от вопроса:

– А как же Яшка?

– Тали обещал о ней позаботиться, – ответила Фатха. – Он заберёт её завтра.

– А до завтра? – спросил Радх.

– Силы у меня уже не те, – усмехнулась Фатха, – но ещё день позаботиться о девочке и защитить её я смогу.

– Защитить? От кого? – насторожился Радх.

– От того, кто украл её у родителей восемь лет назад, – ответила старуха. Радх вспомнил кареглазую кроху в испачканном шёлковом платье, вышедшую из темноты на поляну, где устроились на ночлег томалэ. В её взгляде не было страха перед незнакомыми людьми, только любопытство.

А когда Фатха подошла к ней и спросила «кто ты?», малышка гордо ответила «Яська!».

О чём говорили старейшины в ту ночь, Радх не знал, но утром Яську-Яшку переодели, сняв нарядное платье, и у Фатхи стало на одну внучку больше.

За все эти годы старуха ни разу не упоминала о той ночи.

– Он знает, что она жива? – нахмурился Радх.

– Да, – кивнула старуха. – Как я знаю, что клубок от моего вязанья закатился под лавку. Мне не видно, но нитка тянется. Вот и к Яшке привязана невидимая нитка. Толстая чёр-

ная нитка. – Фатха снова помолчала, подбирая слова. – Которую привязал тот, кто спрятал малышку в лесу.

– Спрятал?

– Не сама же она туда забрела, – усмехнулась старуха. – Спрятал, чтобы потом найти. И, похоже, несмотря на все мои усилия, нашёл.

– Тот, кто вызвал Охотника? – спросил Радх.

– Да, – кивнула Фатха. – Роза подтвердила, что должна была оставить на камне именно Яшку.

– Когда это она сказала?

– После твоего отъезда её вызвали на совет старейшин. Там она во всём созналась.

– И что решили старейшины? – спросил Радх.

Эта мерзавка поставила под угрозу весь табор. Неудивительно, что старейшины собрались так поспешно, да ещё и тайно, иначе девчонки не справлялись бы о Розе.

– Её приговорили к изгнанию, – продолжала Фатха.

Радх снова кивнул. Изгнание из табора было самым суровым наказанием для томалэ, и Роза его заслужила. К тому же щедрое предложение Тали позволяло легко избавиться от неё. А ещё, при этой мысли Радх удивился сам себе, оно давало повод поговорить с Тали и выяснить у него всё о таинственной красавице.

Лепесток 13

Массивные канделябры, протянувшие к потолку белые пальцы свечей, отражались в большом бронзоворамном зеркале, стоящем на столе. В этом же зеркале отражалось чёрное сукно, затягивавшее стол, и лежащую на нём маску с изогнутым клювом. Клюв придавал ей вид устрашающий, но одного взгляды на эту маску, расшитую стеклярусом, было достаточно, чтобы понять, что её владелица обладает в равной мере тонким вкусом и тощим кошельком. Будь она богаче, она позволила бы себе не вороны перья, а павлиньи с камешками-светлячками. Зеркало отражало и сидевшую за столом женщину. Она относилась к категории дам, чей возраст букашкой в янтаре застыл на тридцати пяти. Морщинки на лбу и около тонких губ свидетельствовали, что нынешнее недовольное выражение лица – не исключение, а правило. Но можно ли быть довольной, если вокруг тебя сплошные идиоты?

Серафина, которую Павел Игнатьин знал как «Мадам», раздражённо стукнула по столу коротким костяным жезлом, который крутила в руках. Жезл был украшен черепом какой-то мелкой пичуги. Чьи-то не слишком умелые руки заляпали его красной, жёлтой и зелёной краской, причём все три цвета состязались между собой за звание самого ядовитого. Мадам купила его в лавке старьевщика вместе с маской и парочкой других безделушек.

Её раздражала необходимость прибегать к дешёвому фиглярству, но с такими помощниками оно было необходимым.

Помощнички! Серафина презрительно фыркнула, вспомнив, как на глазах у господина Игнатьина налила зелье в миску Шустрого – старого кобеля, едва передвигающего лапы. На следующий день навстречу гостю выбежал молодой пёс, как две капли воды похожий на Шустрого. Потребовалось лишь немного хитрости, чтобы убедить версановца в том, что это Шустрый отведал эликсир молодости. Осталось пообещать угостить эликсиром за помощь в одном не слишком сложном деле, и Павел Игнатьин был у неё в руках.

Увы, уже спустя несколько дней оказалось, что одного «пряника» ему мало. Пришлось прибегнуть к запугиванию, и устроить целое представление, благо её скромный Дар позволял ей работать с иллюзиями.

Да, она была одарённой. Но судьба посмеялась над Серафиной, одарив талантом гениальной танцовщицы и слабеньким, едва заметным Даром. Не будь у неё Дара, она стала бы звездой императорского балета. Будь у неё Дар сильный, Серафина превзошла бы всех в магии танца. Она блистала бы при императорском дворе, а не прозябала бы в глуши и неизвестности. Но, увы, судьба только приоткрыла для неё дверь, позволив издали, одним глазком заглянуть в мир такут – танцующих магинь, лишь ощутить свою сопричастность к нему.

Когда стало очевидным, что Дар её слишком слаб, наставница Аглая, не желая отпускать лучшую из танцовщиц, предложила Серафине остаться в школе, обучать талантливых малышек искусству движения. Но при взгляде на занимающихся девочек, голенастых и порой неуклюжих, похожих на делающих первые шаги жеребят, Серафину начинала терзать зависть, чёрная зависть к Одарённым.

И всё же она почти смирилась со своей ущербностью. Почти. Но тут произошло событие, определившее дальнейшую судьбу Мадам. Тётушка умерла, завещав ей не только поместье, но и Дар, такой же слабенький, как собственный Дар Серафины. Он не приблизил девушку ни на шаг к заветному миру такут, но открыл перед ней путь. Чтобы стать такутой, надо найти того, кто завещает ей свой Дар!

Но оказалось, что Дар можно унаследовать только от кровных родственников, в противном случае наследовалась лишь малая толика Дара. Увы, среди родственников, близких и дальних, желающих завещать оказалось немного, и только среди таких же слабаков, как она сама. Сильные одарённые предпочитали передавать Дар собственным детям или внукам, а то и про-

сто не торопились называть наследника. Но Серафина не сдавалась. И, возненавидев скопом всех несговорчивых родственников, решила взять наследство хитростью, а если придётся, то и силой.

Первой её жертвой стала, точнее должна была стать, четырнадцатилетняя Натали Алтафьева, осиротевшая двоюродная племянница, отданная ей под опеку. Сперва Серафина честно пыталась заниматься с девочкой, обнаружив в ней задатки такуты, но Натали оказалась дерзкой девчонкой, не оценившей искусство изящных движений. Она не заслуживала даже слабенького Дара, не то что сильнейшего, которым обладала.

И Серафина решила унаследовать её Дар. Казалось бы, что тут сложного? Попросить девочку помочь в проведении ритуала, прочитав формулу на тарском языке, языке магов, записанную по-русски. Кто бы мог подумать, что эта маленькая мерзавка понимает тарский? Перед глазами Серафины всплыло лицо Натали, с вызовом завершающей формулу наследования категорическим «наро» [“никогда” Перевод с тарского], переворачивающим значение клятвы. И Дар, который, казалось, уже плыл в руки, был навсегда потерян для Мадам. Следующую попытку она сделала, попытавшись выкрасть трехлетнюю Лиззи. Идея эта появилась у Серафины, когда она, гостя в имении Загряжских, увидела малышку, бегающую в саду вокруг с клюющей носом няньки. Серафине ничего не стоило «подтолкнуть» няньку в сон и незаметно выскользнуть из сада вместе с малышкой. Она усыпила девочку и спрятала её в лесу неподалёку от усадьбы, потратив все магические силы, чтобы защитить ту от грозивших в лесу опасностей и спрятать ото всех.

Но из-за переполоха, поднявшегося, когда исчезновение Лиззи было обнаружено, Мадам смогла только на следующий день вернуться туда, где оставила девочку. Увы, там осталась только примятая трава. Всё, что Серафина смогла узнать благодаря охранному заклинанию, «привязанному» к малышке, что та жива и здорова. Пришлось довольствоваться этим и ждать, когда пробудившийся Дар девочки напитает «маячок» и поможет отыскать её.

Дар просыпается у подростков, у девочек чуть раньше, у мальчиков – чуть позже, так что ждать предстояло долго. Но Серафина не сидела, сложа руки.

Она начала собирать старые рукописи, маскируя поиски увлечением тарским языком. Золото утекало из пальцев, книги в библиотеке теснились на полках, как гости на ежегодном балу в императорском дворце, куда допускались все желающие дворянского происхождения... А решения всё не было!

Столько лет надежд и разочарований! И, наконец, совершенно случайно в лавке старьёвщика Серафина по дешёвке купила потрёпанный томик без обложки, открывший для неё новый мир. В этой невзрачной книжечке – и как только её упустили инукторы – излагались азы магии крови, которую в просторечии называли чёрной магией. Здесь были и вызовы существей из-за грани, и порчи, и привороты... И для использования магии крови было достаточно небольшого Дара, как раз такого, какой был у Мадам.

Поняв, что за сокровище она отыскала, Серафина пустилась в пляс. Нет, не так, как пускаются в пляс подвыпившие мужики или базарные плясуньи, нет, это был Танец, исполненный настоящим мастером. Мастером, которому для звания такуты не хватает сущего пустяка – Дара.

Во время танца у Мадам возник безупречный план, который должен был увенчаться успехом.

Серафина вспомнила о кузине Елене. Как задавалась она, когда выяснилось, что у неё есть Дар, которого почти не оказалось у Серафины, как хвасталась своими успехами... Елена и впрямь могла бы сделать успешную карьеру магини, если бы не выскочила замуж за гвардии поручика Вотнова, красавца без гроша за душой. Какое-то время они жили в столице, потом поручик получил наследство и, выйдя в отставку, увёз молодую жену в глушь, в уездный город Версаново. Разве справедливо, что Дар достался кузине, которая пренебрегла им? И разве не

будет правильным восстановить справедливость, передав его той, кто сумеет им правильно распорядиться.

Решившись действовать, Мадам отправилась в столицу и вернулась в свет. Роль старой девы, совсем не льстившая её самолюбию, позволила ей без помех присматриваться к гостям. Довольно быстро она нашла того, кого искала на роль исполнителя – версановца, человека недалёкого и тщеславного, чьё самомнение позволило манипулировать им без особых усилий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.